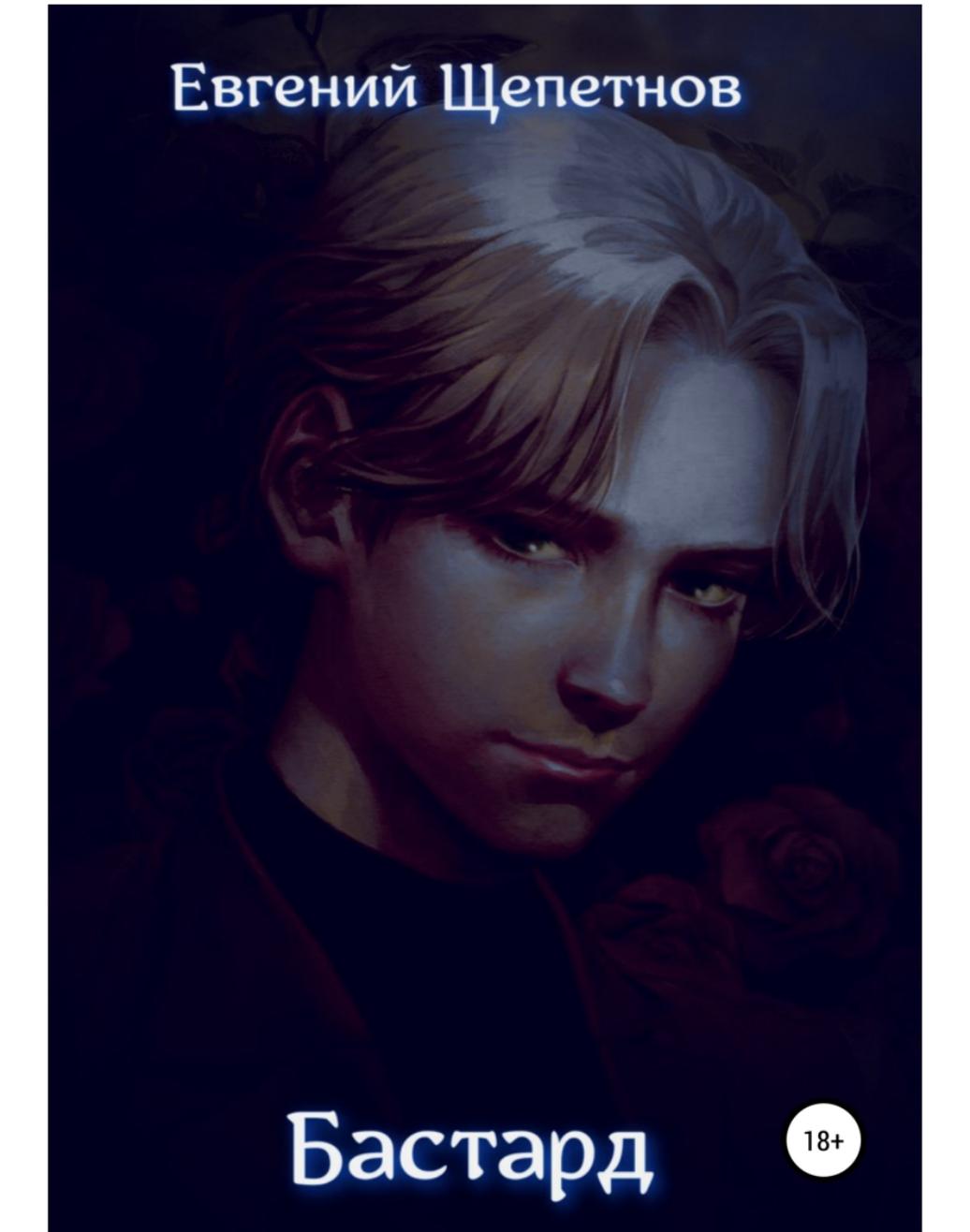

Евгений Щепетнов

Бастард

18+

Евгений Владимирович Щепетнов

Бастард

Серия «Бастард», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67985157

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – бастард. Последний из умершего дворянского Клана. У него нет ничего – ни имени, ни состояния. Его отец – бунтовщик, казненный за организацию заговора против Императора. У него не было детства – только тяжкие тренировки, только пот, кровь и страдания. И вот у него вдруг появились магические способности, и не просто к магии, а к черной магии. И он должен учиться в Академии, или умереть – таков закон. Тяжко будет учиться нищему изгою, такому жалкому на фоне богатых и благородных. Каждый считает себя обязанным оскорбить, обидеть. Вот только зря. Мальчик-то вовсе не простой.

Евгений Щепетнов

Бастард

Глава I

Пролог

– Ты уверен, брат? Встань, не нужно формальностей.

Мужчина в дорогом, расшитым золотом камзоле разогнулся и поднялся с колен. По мановению руки сидящего за столом властителя уселся напротив, не отрывая взгляда от лица Императора.

– Более чем уверен, властитель. Я выждал почти год, и вот...ему исполнилось пятнадцать лет, и картина стала совершенно ясной. Он маг.

– Хмм...откуда у него взялись умения? Наша династия никогда не славилась магами. По линии матери? Значит, уже год он проявляет способности?

– Да, властительный брат – почти год. Мне доложили сразу же, как обнаружилось первое проявление.

– И в чем оно выразилось?

– Как обычно: вначале он поджег занавеску. Что-то пришло. Потом вскипятил воду. Ну и еще несколько проявлений. Но самое опасное из них произошло недавно – он проклял конюха, который неодобрительно о нем отозвался, назвав проклятым отродьем. Конюх тяжело заболел и едва выжил. Правда с Эдвином это не связали, решили, что так

получилось само по себе.

– Если не связали, то как ты узнал?

– У меня свои глаза и уши, властительный брат – усмехнулся мужчина – Он никогда не выходил из поля зрения моей службы.

Молчание. Император полуприкрыл глаза, задумался. Начальник Тайной службы – тоже. Тишину нарушил голос Императора:

– Напомни мне, брат...зачем мы сохранили жизнь сыну отступника и бунтовщика, и не отправили его в путешествие по светлой дороге вслед за семьей отца?

Брат властителя почтительно поклонился, и заговорил:

– Чтобы проявить в твоём окружении всех, кто попытается устроить заговор, воспользовавшись...сыном твоего брата. А еще, властительный брат, ты его пожалел, так как тебе нравилась его мать. И ты был к ней благосклонен.

Глава Императора чуть прищурились, он вздохнул, будто что-то вспомнив, но не сказал ни слова. И опять тишина, прерываемая только пением птиц в императорском саду.

– Он знает о своем происхождении?

– Знает – кивнул брат императора – Ты не давал указания держать его в неведении.

– И как он относится к своему отцу? Что про него говорит?

– Ничего, властительный брат. Ничего не говорит. Ни разу не спросил о нем, ни разу ничего никому не сказал. Что

же он сам думает по поводу предательства отца – я сказать не могу. Воспитали его в духе лояльности к Императору, и рассказали о том, какое страшное преступление совершил отец, чем навлек беду на всю свою семью.

– Скрытный мальчик – усмехнулся Император – Чему его учили? Все-таки кровь властителей. Надеюсь вы дали ему те знания, которые необходимы тому, в чьих жилах течет кровь Клана Гардасан?

Собеседник поклонился и несколько секунд молчал. Потом поднял взгляд на властителя, и осторожно начал:

– Мой властительный брат... когда я принимал решение о том, чему обучать этого мальчика, мне пришло в голову, что он будет полезен как один из моих людей, обладающих специфическими умениями. Тех людей, без которых не может обойтись Тайная служба. Потому отдал мальчика на обучение к одному из наших старейших мастеров. Мальчик прошел обучение полностью, и показал впечатляющие результаты, добившись похвалы от этого мастера, совершенно не склонного разбрасываться своими словами попусту. Мы уже почти взяли Эдвина в работу как нового агента, но... известные события заставили меня пересмотреть дальнейшие планы. О чем я тебе, властительный брат, сейчас и докладываю.

– Стоп! – Император наклонился вперед и пронзительно посмотрел в глаза собеседнику – Ну-ка, расскажи мне, какими такими умениями вы наделили парня? О чем я не знаю?

– Он... императорский убийца – не дрогнув ни одним му-

скулом на лице, ответил глава Тайной службы – Убийца самого высокого уровня. Очень, очень способный мальчик! Умелый!

Император шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. Недоверчиво помотал головой:

– Брат, ты спятил?! Сына бунтовщика – обучить высокому искусству убийства?! Зачем?! Что ты задумал?!

Собеседник Императора вдруг почувствовал, как по его спине прокатилась капля холодного пота, впитавшись в рубаху на уровне пояса. В голосе Императора явственно слышались нотки угрозы. Властитель не отличался жалостью к врагам, а после раскрытого заговора брата он с каждым годом становился все подозрительнее, так, что в конце концов это должно было перерасти в болезненную подозрительность. Оно и понятно – когда хотя бы раз в год в Империи возникает заговор или бунт с участием самых что ни на есть влиятельных людей – волей-неволей начинаешь подозревать всех и каждого.

– Я задумал, мой властительный брат... вылепить из парня верного трону человека, который будучи вхож в самые высшие слои общества, сможет исполнить волю моего властителя (кланяется). Не секрет, что добраться до высших сановников так, чтобы их смерть выглядела естественной, а не убийством – практически невозможно. Более того, если их убить стрелой, либо каким-то еще способом, это бросит тень на высшую власть. Значит, нужен тот, кто сможет

убить их вблизи, добравшись до них на вершине пирамиды. Представь, мой властительный брат...бал, на балу мальчик – очень красивый, явно из благородной семьи, воспитанный и совершенно ангельский на вид. Он проходит мимо жертвы, спотыкается, хватается рукой за руку объекта, и через несколько дней тот умирает от остановки сердца. Кто сможет заподозрить мальчугана в том, что это он убил человека? Кто может заподозрить тебя, властительный брат, что это ты отдал приказ устранить своего врага, плетущего интриги?

– Лорд Синаби – его рук дело? – на лицо Императора опускается понимание – А лорд Коувон?

Брат императора делает поклон, и губы его растягиваются в улыбке:

– Он очень хорош, очень! Послушен, умен, легко меняет лица – представляется именем существующего или не существующего человека, делает себя похожим на него. Галантен и красив, великолепные манеры – танцы, владение языками севера и юга, великолепная память. Это лучший агент на моей памяти. Все-таки сказывается наша кровь, властительный брат. В нашем клане дураков никогда не было! А еще – он умеет готовить снадобья, смертельные, и наоборот – вылечивающие болезни. Может убить одним ударом кулака, сражаться любым видом оружия, менять внешность – но это я уже говорил. Может поддержать беседу о политике, о любви, о чем угодно. Это бриллиант, который мы гранили много лет!

– И это очень опасный человек, который может отомстить за смерть своего отца – задумчиво заметил Император – Не лучше ли было его удушить?

Поклон. Молчание. Через несколько секунд ответ:

– Все во власти моего властительного брата! Ты Император, тебе принимать решение. Да, признаю, в связи с открывшимися обстоятельствами, а именно его умением насылать проклятия, и предположительно общаться с миром мертвых...

– Что?! Он некромант?! – снова подается вперед Император – Это точно?!

– Предположительно, ваше величество – кланяется собеседник – Есть основания говорить, что наведение порчи связано со способностью общаться с миром духов. Но так ли это – я не знаю. Нет полной информации. Я закончу, мой властительный брат?

– Заканчивай. Да и слишком уж долго мы разговариваем, слишком много внимания какому-то там... – поморщился Император.

– Мое предложение – подождать, и посмотреть, что будет дальше. Если мальчик начнет проявлять...опасное для трона поведение, если он проявит признаки нелояльности – мы всегда сможем его устранить. В конце концов, он не лорд с отрядом охраны в пять сотен латников, окруженный боевыми магами. Он всего лишь пятнадцатилетний мальчишка, пусть и умелый, но практически нищий, не облада-

ющий никаким дополнительным ресурсом для того, чтобы как-то подняться в этой жизни. Я предлагаю назначить ему минимальное содержание, достаточное только для того, чтобы он не выглядел совершеннейшим нищим провинциалом, и пусть учится наравне с остальными.

– Кровь клана властителей...нищий? – поморщился Император – не слишком ли это? Лучше его удавить, чем знать, что он позорит нашу кровь своим нищенским видом. Мне кажется, что это неверно.

– Властительный брат...мальчика обучили высокому искусству, в которое входит многое, в том числе и способность добыть себе пропитание любым, я подчеркиваю – любым способом, и...не попасться! Если он не сможет добыть средства к существованию – это плохой агент, и место ему на свалке. И если попадется – мы не будем его выручать. Он знает. Это вдалбливалось ему в голову с самого начала обучения. Только сам, только один, только своими силами – как и положено мастеру смерти. А если настанет момент, когда встанет вопрос – выбрать смерть, или рассказать все, что знает – он должен выбрать смерть. Он умеет останавливать сердце усилием мысли.

– Если он на самом деле лоялен трону...было бы жаль потерять такого ценного, обученного человека – задумчиво протянул Император – Ты не думал над этим?

– Думал, властительный брат! Будем считать, что это новый этап обучения. Пройдет через него – значит, мы найдем

ему применение лучшее, чем быть обычным мастером смерти. В моей службе найдется место дельному агенту и на высших должностях. Кроме того, мы ведь можем его использовать и тогда, когда он будет учиться в Академии. Если понадобится, конечно. Мне бы не хотелось, чтобы он занимался обычными ликвидациями, для этого есть простые агенты. Он – для высших.

– Забавно – усмехнулся Император – Не есть ли это благоволение преступнику от Императора, если в жилах палача течет кровь высшего Клана? Можно даже сказать, что я лично казнил зарвавшегося дворянина. Кстати, а как мальчик относится к своей работе? После того, как он ликвидировал тех, кого вы ему приказали ликвидировать, он переживал?

– Мой властительный брат... – поклонился мужчина – У мальчика на удивление устойчивое душевное здоровье. Он никак не проявил своего отношения к своей работе. Вообще! Даже удивительно – ведь ему тогда было всего четырнадцать лет! Будто профессиональный палач – сделал дело, и пошел пить пиво. Ни сомнений, ни переживаний, будто ничего и не было. Я консультировался со знающими людьми, например с магистром медицины Сеном Таром, так вот он говорит, что это и особенность его организма, ведь мальчик не боится крови, и правильное воспитание с раннего возраста. Парень ведь и до этих ликвидаций убивал людей. В процессе воспитания мы должны были убедиться, что рука его не дрогнет, так что использовали приговоренных к смерти

разбойников, убийц, насильников – всех, кто должен был закончить жизнь на плахе.

– И многих он казнил? – с интересом осведомился Император.

– Не помню точно...но больше двух дюжин – кивнул собеседник – Одних убивал голыми руками, других с помощью оружия, третьих ядами разных видов, в том числе и контактных. Потрогал жертву – она и умерла. Яды готовил сам, как его и учили. Замечу, что больше половины убито им в бою на равных условиях. То есть если жертва без оружия – значит и он без оружия. А если надо бой с оружием – и жертве давали оружие. Он ни разу не был даже ранен. Синяки и ушибы не в счет. Единственное, что он просил перед казнью – сообщить ему, какое преступление совершил негодяй. Замечу, что некоторых он убивал быстро, а некоторых превращал в рваные куски мяса. У мальчика есть чувство справедливости.

– А вот это плохо! – помрачнел Император – Как он будет исполнять приказ на устранение, если задумывается о том, стоит ли убивать жертву, виновата ли она!

– Нет, ваше величество – усмехнулся собеседник – Для него высшая справедливость – приказ вашего величества, своего властителя. Он верит в то, что вы не отдадите приказ убить невинного. Все, на кого ты укажешь, властительный брат, будут устранены им без всякого сожаления. Это верный пес, который будет рвать всех, на кого укажет хозяин! И

умрет, защищая его тело! Без сожалений и раздумий!

– Ну...дай бог, дай бог... – задумчиво протянул Император – Держи меня в курсе, извещай хотя бы раз в три месяца – что там происходит с...этим парнем. Ну а теперь перейдем к главному: насколько мне известно, на северной границе неспокойно. Можешь доложить по этому вопросу? Север поставщик древесины, и волнения на границе нам совершенно не нужны. Министр торговли доложил, что поставки строительной древесины упали вдвое...так что...

– Прощай, ученик – мужчина смотрит в глаза мальчику, и его тонкие губы складываются в почти незаметную улыбку. Для него это равносильно хохоту, потому что он никогда не смеется.

– Прощай, учитель – юноша серьезен, впрочем, как и всегда. Он достойный ученик своего учителя.

– Не забывай о том, что я тебе сказал. И будешь целее. Возможно.

– Возможно – кивает юноша, и его губы тоже складываются в улыбку.

Они стоят еще секунд пять, не опуская взгляда, а потом старший разворачивается, и не оглядываясь садится в пролетку, из которой вылез несколько минут назад. Хлопает кнут, и лошадь с места бодро переходит быстрый шаг.

Юноша смотрит вслед пролетке, вздыхает и улыбается, го-

раздо шире, чем перед этим. Наконец-то, свобода! Пусть нищий, пусть как всегда изгой, но свободен!

Глупо, конечно. Нет никакой свободы. Никогда и нигде. Люди никогда не бывают свободны – от обязательств, от общества. Ну а я так вообще цепной пес на привязи. Просто мне цепочку отпустили чуть подлиннее.

Ладно, хватит этой чуши. Дело надо делать. Беру дорожный ящик и тащу его к воротам. Охранник на входе осматривает меня внимательным взглядом, и молча протягивает руку. Так же молча вкладываю в нее направление от Управления Министерства Магии, охранник читает, и освобождает перекладину, перегораживающую вход. Толстая палка, окрашенная в чередующиеся белые и красные цвета поднимается, и я со своим старомодным деревянным ящиком прохожу на территорию Академии Магии, в которой мне предстоит учиться ближайшие пять лет – до самого выпуска. Если меня, конечно, не выгонят отсюда раньше.

Впрочем, я все сделаю, чтобы меня отсюда не выгнали. Не хочу возвращаться туда, откуда я приехал. И заниматься тем, чем занимался – тоже не хочу. Новая жизнь, новый человек.

– Как пройти в канцелярию? – спрашиваю у наблюдавшего за мной охранника, который смотрит на меня так, будто я чудовище морское, а не парень пятнадцати лет от роду.

Странно...неужели что-то знает? Вообще-то моя фамилия и близко не лежала рядом с отцовской. Ведь я же ба-

стард, а бастардам не дают фамилий отцов. Я Эдвин Дер Дасен Ольгард, дворянин из провинции, из захудавшего и растворившегося в небытие Клана Ольгардов, фактически – последний из Клана. Мама умерла, когда мне было семь лет, и я остался совсем один. Она была наложницей моего отца, а ранее служила в Запретном городе, у Императора. Служанкой работала. Там все служанки – только из дворян. Никаких простолюдинок. Потом ее заметил мой отец, и взял себе в наложницы – Император разрешил. Ну а я, получается, бастард. Наверное это меня и спасло от смерти – был бы признанным, официальным сыном

То, что у меня родственники в императорской семье – совершенно не в счет. Я и знать бы не знал о том, что являюсь сыном брата Императора, то есть племянником властителя, но мама постаралась довести до меня эти сведения, да и потом...еще один дядя, который вовсе мне не дядя – довел до меня информацию о том, кто я такой, и каково мое место в этом мире. И хреновое это место, от всей души это скажу.

С другой стороны, мне грех жаловаться. Я уже давно должен лежать в земле, а вот хожу, дышу, ем, пью, и пока что никто не затянул у меня на шее шелковую удавку – ведь проливать кровь одного из членов императорской семьи нельзя, тут или яд, или веревка. Яд дорог, а веревку можно использовать несколько раз. Экономия!

Красиво здесь. Парк – победнее императорского, но тоже очень хорош. Дорожки отсыпаны мелкой щебенкой, клумбы

в цветах, деревья – аккуратные, стриженные, ухоженные. Видно, что ими как следует занимаются.

Статуи! Да – статуи стоят! То ли мрамор, то ли еще какой-то камень... как живые. Красиво! Я читал, что эти статуи делают учащиеся с помощью магии – на факультете земли. Умеют работать с камнем, как-то его размягчают, и лепят, будто руками. Хорошее дело. И выгодное. Богатые люди любят ставить в свои дома красивые статуи. Особенно такие, как эта... хе хе... в провинции за такую статую можно и жалобу получить в магистрат! Как это они у девушки все хорошо прорисовали... со всеми подробностями! Мельчайшими, между прочим! Хороша девица... красивая. Интересно, моделью послужила учащаяся? Или со стороны взяли?

До административного здания дошел за пятнадцать минут. Вроде не так и далеко, но во-первых этот проклятый ящик бьет по ногам, во-вторых очень уж хотелось рассмотреть все, что вокруг меня. Знаю, что скоро надоест разглядывать, в зубах этот пейзаж навязнет, но все равно хочется глядеть и глядеть на красоту. И статуи, и фонтаны, и прудик с беседками вокруг него. И здания учебных корпусов и общежития – все интересно, все ново и ярко. Ну а что я видел в своей жизни? Провинциальное поместье на окраине Империи, дни и ночи напролет обучение, а потом... потом то, что вспоминать я не хочу. Не потому, что это рвет мне душу, совсем нет – этих людей мне не жаль. Они заслужили свое. Но... кто сказал, что палач должен чувствовать удовольствие

от своей работы?

Нет, все-таки хорошо, что у меня проявились магические способности, иначе... Мама рассказывала, что у нас в роду были маги, вроде как ее брат был магом, и даже боевым магом, но... счастья это ему не принесло. Погиб на войне с северянами, расплесканный ударом тройки северных магов. Давно это было, еще на Пятилетней войне, до моего рождения. Не застал я его. Так вот магия вдруг взяла, да и проявилась у меня, несчастного.

Канцелярия встретила меня прохладой – после уличной жары очень даже приятной. Конец лета, третий месяц заканчивается, скоро сезон дождей, холод, ливни с обеда и до глубокой ночи, ветер, но пока что – сухая жара и чистое, голубое небо с редкими дождями. Живи, и радуйся...

По широкой лестнице наверх, по коридору, страдая от невозможности бросить сундук (упрут еще... благородные), и вот она – канцелярия. Хорошо хоть табличка есть. Открываю высоченную створку тяжелой двери, захожу, стараясь не грохнуть сундучком. Нет, так-то мне плевать, что обо мне думают, я уже вырос из таких переживаний, как из коротких штанишек. Однако... все равно не хочется начинать свою жизнь в Академии с насмешек над собой.

Впрочем, их точно будет не избежать. При том содержании, что мне выделили – точно получу поток дерьма на свою голову. Бедный дворянин из захудалого Клана – что может быть печальнее и позорнее? Лучше бы отправили в Акаде-

мию для простолюдинов! Но увя...какой бы я ни был захудалый, а с простолюдинами мне учиться нельзя. Нет, ну так-то я прекрасно понимаю, что это правильно, что нельзя подростков из дворян собирать вместе с подростками из простолюдинов – будут неприятности, но все равно... Вот если бы была Академия для *захудалых* дворян! Это было бы замечательно.

– Ваши сопроводительные документы! – командует мужчина, сидящий в углу комнаты, не затрудняя себя ни манерами, ни обычным приветствием. Похоже, что люди в комнате мгновенно оценили мой социальный статус, чиновники это умеют. Одежда небогатая, потертый дорожный сундук, сапоги со сбитыми носками – жалкий отпрыск жалкого рода. Чего перед ним расстилаться?

Из канцелярии я вышел через двадцать минут (засек по часам, стоящим в комнате). Ордер на получение формы, ордер на вселение в комнату, ордер на питание – все, как и положено. Тащусь к зданию общежития.

Ну что сказать...комендант тоже сразу оценил мой жалкий вид, и комната моя выходит окнами во двор, а не в сад. Солнце в эту комнату заглядывает хорошо если раз в день, к вечеру, и то...если повезет. В комнате две кровати, две тумбочки, два шкафа и стол. Над столом, в нише, вделанной в стену, магический светильник-артефакт, который работает от прикосновения. Хорошая штука, и похоже что сделанная здесь, в Академии. Кстати, тоже приличная профессия

– артефактный мастер. Светильники, холодильники, амулеты от беременности, от чумы, да какие угодно артефакты – все нужны, и все стоят денег. Открыть артефактную мастерскую, и живи себе безбедно! Да, смешно... дворянин, открывающий лавку артефактов! Позор... лучше голодать.

А вот мне не позор! Мне наплевать! Господи, Создатель Всемогущий... сделай так, чтобы все от меня отстали! Чтобы я делал то, что хочу! Чтобы я открыл вот такую мастерскую, и клепал свои светильники, радуясь спокойной жизни! Найду себе девчонку из купчих или военных, женюсь – когда заработаю капитал – детей наделаем, и будем жить безбедно, ничего не зная о Тайной Канцелярии, о мастерах смерти, и о том, какой поток политического дерьма льется рядом, грозя смыть в канализацию!

Выбираю кровать – ту, что справа. Она не застелена, как и вторая. Студенты еще не приехали – рано. Все съезжаются в последние три дня, а я приехал за неделю до начала учебы. Нет ни старшеклассников, ни первокурсников. Вернее – почти нет. Кое-кого я видел издалека, но особо не присматривался.

Разложил свои вещи на полки в шкафу, повесил запасной камзол. Больше у меня ничего нет. Два камзола, две пары штанов, трусы, носки, рубашки. Ну и туфли – само собой. Кстати, переобулся, в сапогах ходить жарковато. Да и провинциально – сразу видно дворянчика из какой-нибудь глухой дыры.

Теперь на склад за формой и постельным бельем – дверь запереть, ключ у меня. Второй ключ будет у товарища по комнате. Интересно, кто это будет? Уж ясное дело, что не какой-нибудь богатеи из высших Кланов. Скорее всего, та-кой же изгой, как и я.

Глава 2

Обед я само собой пропустил. Опоздал. Потому еле до-ждался ужина – голодный и злой. До ужина лежал у себя в комнате и смотрел в потолок, раздумывая о том, как жить дальше. И первое что пришло в голову – надо бы как-то денег добыть. Наставник выдал мне жалкие пять серебрянников, которых в хорошем трактире хватит на пять обедов, не более того. А когда я искренне удивленный спросил – с какой стати такая жадность? – пояснил, что если я не сумею заработать денег в свободное от учебы время, то цена мне гнутый ме-дяк. Меня обучили всему, чему только можно было обучить, и я должен позаботиться о себе. Как? Это мое дело. А если не нравится – вон веревка, иди, и вешайся. Добрый человек мой Наставник...

Ужин ничем особым не удивил. Огромный зал был устав-лен столами и стульями, занятыми меньше чем на одну со-тую часть. Два парня-новичка, таких же как я худородных (было видно по мятым, не глаженным костюмам), девчонка, одетая в платье на лямках, сшитое из хорошего южного шел-ка. Красивая, надо сказать, девчонка. Платье обтягивало ее в

нужных местах, и смотрелось это все в высшей степени притягательно.

Я имел опыт с женщинами, меня этому специально учили. Не одна, не две, даже не три женщины у меня было. Много женщин – я их и не считал. От молоденьких девчонок, до женщин в возрасте – все были. И я учился изображать страсть и желание со всеми, вне зависимости от их внешнего вида. Для некоторых случаев пришлось даже приготовить возбуждающее зелье (для себя!) – уж больно страшны были эти образины. А что поделаешь? Агент должен уметь обходиться с женщинами. Мало ли как придется подобраться к цели...бывает, что и через женщин. Некоторые из тех, кто был со мной вполне симпатичны, и даже красивы. Но в основном – почти что уродливые дамы, непонятно откуда выкопанные Наставником. Впрочем, если закрыть глаза и представлять симпатичную женщину – скоро ты забудешь, что находишься в постели с некрасивой, и не очень молодой дамой. По большому счету у них все одинаково...я это прекрасно знаю.

Мне нужна хорошая одежда, хорошая обувь – такая, в которой я уже привык ходить. Меня учили разбираться в моде и ценить хорошую одежду. Как и обувь. Так что теперь, когда я натянул на себя этот дурно сшитый мундир – моя душа просто-таки кипит от осознания того, что я вынужден носить этот мешок. Да, я не должен показывать свои умения, но обязан сделать так, чтобы в обществе аристократов не вы-

глядеть белой вороной. Например, эта девчонка, которая посмотрела на меня так, будто я был покрытым язвами нищим на базарной площади – она не должна на меня ТАК смотреть. Мой образ: скромный, воспитанный юноша из провинции, заучка, который хочет получить знания и выбраться наверх за счет своих способностей. Аккуратный, небогато, но добротно одетый, способный, но не хватающий верхА. Середнячок, вот кто я такой.

Девчонка похоже что была из администрации Академии, курсанты должны ходить исключительно в форме. Для девушек предусмотрены форменные рубашки и длинные юбки с разрезами, а на голову небольшие береты с эмблемой Академии, что смотрится довольно-таки элегантно. Уже когда уходил из столовой, навстречу попались три девушки моего возраста, одетые в форму. Так вот смотрелись они очень недурно. Форма красит девушек, теперь я в этом убедился вживую.

Первая ночь в Академии прошла спокойно, можно сказать – никак. Плюхнулся на кровать и уснул – как был, в одежде. Вроде бы и не устал, а вот поди ж ты... Когда Наставник заставлял меня бегать сутками напролет, я уставал гораздо больше, иногда падал от усталости – до тех пор, пока не привык. А тут всего лишь перегруз впечатлениями, и я падаю, как обычный мальчишка. Будто и не было жестоких тренировок с самого раннего детства.

Проснулся еще затемно, и некоторое время не мог понять

– какое сейчас время суток. То ли поздний вечер, то ли глубокая ночь. Сна – ни в одном глазу. Выспался. Ну а раз выспался – надо заняться личной гигиеной, для чего отправляюсь в душ, находящийся на этаже.

В коридоре никого нет, и меня вдруг охватило странное ощущение нереальности происходящего. А вдруг в мире остался только я? Все умерли от страшной болезни, и...

Мысль была неприятной, потому я отправил ее куда подальше, занявшись тем, чем и должен заниматься, стоя под струями еле тепленькой водички. Горячей воды нет, но это и понятно – никто не занимается подогреванием, зачем тратить силы на два процента студентов. Воду, насколько знаю, здесь греют магией – суют раскаленный артефакт в емкость с водой, стоящей на чердаке. Оттуда она уже идет самотеком по трубам, сделанным из бронзы. Да, именно из бронзы – практически вечные трубы, ведь бронза, покрытая патиной, не поддается коррозии. А если ее еще и усилить магией – переживет весь человеческий род.

Дорого? Так сама Академия дорогое удовольствие! Но и каждый маг на вес золота. Закончил Академию – иди работать на государство, отрабатывай вложенные в тебя средства. Отработал пятилетний контракт – можешь получить патент и трудиться на себя. Ну а чего... нормальный такой подход к делу! Кстати сказать, контракт можно и продлить – тогда будешь получать в два раза больше. И нельзя сказать, что какой-то вид магов ценится больше, какой-то меньше – все

одинаково важны. Например, боевые маги – незаменимы в армии, как и лекари, как и артефакторы, изготавливающие артефакты огромной взрывной силы.

Маги-стихийники? Тут полный простор для работы! И боевые свойства в цене – обрушить на чужое воинство дождь из острых, как кинжалы сосулук – разве плохо? Или наслать ураган? Или утопить в непрекращающемся месяц ливне? Но и не только боевые свойства ценны! Маг-стихийник может пригнать дождевые облака в провинцию, страдающую от засухи. Или наоборот разогнать дождевые тучи, превратившие поля в вязкое болото.

А вот со мной все сложно. Нет, вначале-то я проявился так, как проявляются все новообразованные маги – спросонок поджег занавеску. Стандартное проявление магической силы, ничего нового. Что-то приснилось, и...бах! Занавеска горит. Местный эксперт, который меня обследовал по вызову Наставника, сказал, что у меня средненький потенциал, и разовьется ли он – совершенно неясно. Но даже если потенциал мой очень средненький, то все равно мне положено учиться в Академии, и сокрытие магических способностей у подростка суть государственное преступление, караемое всяко разное. Как будто мои кураторы этого не знали.

Вот я, кстати, не знал! Никогда не думал, что у меня вдруг ни с того, ни с сего проснутся эти самые способности к магии. Почему такого не допускал – не знаю. Может потому, что я слишком уж приземленный для этого человек... После

уже начитался и о законе, который требует отправлять всех начинающих магов в Академии, и о карах, которые грозят тем, кто сокроет потенциального волшебника. Почему так строго? В общем-то, все просто: в Академии учат контролировать свою магию, в противном случае стихийно развившийся маг может поубивать всех вокруг себя и произвести такие разрушения, что это будет сравнимо с нашествием диких северян.

А кроме того – маги очень ценные работники, которых нужно использовать по-полной. Каждый маг обязательно контролируется государством, как особо опасное оружие – потенциально опасное для государственного строя. Хочешь, не хочешь, но десять лет из своей жизни ты должен отдать государству. Вначале – на обучение, потом – по контракту. Маги-аристократы используются на высших должностях Империи, маги-простолюдины – только до определенного уровня. Какого именно уровня – не знаю, читал в книге, но не понял. Похоже, что по усмотрению высших властителей.

У меня все гораздо, гораздо хуже. Оказалось, что кроме обычной магии, направленность которой еще не определена (то ли боевой маг, то ли артефактор – никто пока не знает), имеется еще и черная магия. Проще сказать – прокляну, так мало не покажется!

Кстати сказать – конюха ничуть не жалею. Он меня с самого детства доставал. Такой мерзкий тип – это еще поискать! И главное дело – убить его нельзя. Убивать я могу только

тех, на кого мне укажут, и тех, кто напал на меня и угрожал моей жизни (заключенные не в счет).

Последних до сих пор не нашлось. Ну а тот же конюх, скотина вонючая, старался пакостить исподтишка, так, чтобы никто не видел, и говорил мне всякие гадости – про меня, про покойную мать, про отца, которого я никогда не видел. Конюх, само собой, не был до конца посвящен в мою тайну. Он считал, что рядом с ним живет бастард, ублюдок казненного врага престола, предателя и негодяя. Так что можно безнаказанно поливать его грязью. А то, как меня учили – он ни разу не видел. Иногда я думал – а если бы он знал? Продолжил бы меня изводить?

Можно было бы конечно рассказать куратору об этом негодяе, но есть у меня подозрение, что те, кто меня курирует, все прекрасно знали. Более того, конюх работает на них, и специально меня достает. Ну... что-то вроде проверки устойчивости моей психики, а еще – тренировка выдержки. (Откуда же он узнал о том, что я бастард?! Какой-то жалкий конюх!)

И опять же, не раз думал – а что было бы, если бы я его и взаправду убил? Ну вот ткнул бы ему в кадык костяшками пальцев, и каюк подлецу, любителю глумиться над изгоями. Или нет – врезать ему подковой в висок, потом помазать подкованное копыто жеребца Удрана кровью конюха – и будет полная картинка, что дурной жеребец размозил башку несчастному работяге. Вот только думается мне, что все рав-

но бы открылось. И тогда... что тогда? Высекли бы, как минимум. А потом Наставник истязал бы меня на тренировках пуще прежнего, не давая спать и высасывая кровь по капле. Когда надо, он умеет быть абсолютно безжалостным. Палач, чего тут скажешь...

Нет, меня бы скорее всего не казнили – ну что такое конюх? Простолюдин! Кстати, он вообще не имел права ТАК обращаться с родовитым. А что ни говори – у меня в жилах течет кровь императорского клана. И если какой-то поганый конюх позволяет себе ТАК со мной обращаться – значит, ему позволили. Эти люди видят все, и знают все. Тайная служба, или «крысы», как их называют в народе. И я такая же «крыса». Только еще и смертельно опасная.

Ну, так вот: я так яростно пожелал конюху лишиться яиц, которые сгниют и упадут ему в сапоги, что уже ночью этого поганца раздуло в паху, и он реально начал гнить. Его спасли, вызвав мага-лекаря, но теперь конюх сделался евнухом.

Ну а меня на следующий же день вызвали к моему куратору из Тайной Службы, который называл себя Имар Сорбан – имя явно придуманное, никакой он не Сорбан. Так вот, куратор уже знал о происшедшем, но все равно долго у меня выпытывал – как я такое сделал, и что при этом почувствовал. Ну а что я почувствовал? Ярость, желание убить подлеца, а еще – что-то вроде выплеска... что-то темное покинуло меня и вошло в рыжего конюха. И я испытал такое наслаждение, что сравнить это можно только с оргазмом.

В конце концов, меня отпустили, и все пошло прежним чередом, только лишь запретили колдовать, а еще – надели на шею амулет, блокирующий способность управлять магией. И снял я этот артефакт лишь в пролетке, когда мы с Наставником подъезжали к Академии. Глупо бы я выглядел в учебном заведении, готовящим магов – с амулетом-блокиратором на шее.

Не надо было конюху говорить плохо о моей матери, пусть даже она и не совсем моя мать. Да и просто накопилось на душе – устал, а вокруг...вокруг, или враги, или совершенно чужие мне люди. Люди, каждый из которых поставлен здесь для того, чтобы следить за мной и докладывать наверх.

Нет, я точно не ангел. И никогда им не был. Ни в прошлой жизни, ни в этой...

Завтрак – молочная каша с куском хлеба, кусочек сыра, и компот. Ну а чего... вполне терпимо. Едал и похуже. Каша не с сахаром, а соленая – и это тоже норма. Я сладкое как-то не очень люблю... злой человек, наверное.

И снова в столовой почти никого. Три человека – два парня в необмятой форме, видимо такие же как я новички, и девчонка. Вот на нее я и пялился все время, пока выскребал кашу из глиняной чашки. Классная девчонка – волосы золотые, в кудряшках, форма сидит как влитая, и видно, что получена одежда не со склада. Здесь практикуется такое, когда курсант, или студент – не знаю, как лучше назвать – шьет

форму сам, получая за не выданную форму наличными. Конечно же, на такую дорогую форму денег компенсации точно не хватит, но я вообще сомневаюсь, что девчонка эти деньги отправилась выбивать из жадюг канцелярии. Явно дочь богатых родителей – холеная, утонченная. Даже ест – и то несколько манерно, отставляя мизинчик, с недовольной гримаской на совершенном лице. И глаза у нее голубые, что для столичных жителей довольно-таки редкость. Голубые глаза – это у диких северян, с которыми империя вечно воюет. Часть их вблизи к границе смешалась с имперцами, и время от времени признаки северной расы всплывают в детях тамошних дворян. Знаю, читал... да и рассказывали мне учителя.

Когда выходил из столовой, девушка едва не столкнулась со мной в дверях. Будучи человеком воспитанным, я тут же извинился и предложил:

– Проходите леди...простите, не знаю вашего имени. Только после вас!

Девушка посмотрела на меня внимательно, чуть прищурив глаза, и с ноткой веселья в голосе сказала:

– Ничего тебе не светит, понял?

Я прекрасно все понял, но сделал вид, что до меня доходит с большим трудом, и с искренним удивлением ответил:

– Леди, как это не светит?! Солнце светит! Опять же – светильник у меня есть. Вы вообще о чем?

И сделал рожу такую тупую, что это точно могло сойти за глумление над собеседницей. Но она приняла все за чистую

монету:

– О Создатель! Да откуда вас, таких, набирают?! Одни идиоты вокруг... я видела, как ты пялился на меня за столом и пускал слюни! Так вот – даже и не думай! Не светит тебе получить от меня то, о чем ты мечтаешь!

– Что, у вас нет копченого окорока?! – с такой же искренностью ужаснулся я – Вот только хотел попросить угостить меня, а вы не привезли с собой даже маленького кусочка?! Какая жалость... вы, северяне, так хорошо коптите мясо! Вам нет равных во всей империи! Вас иногда так и называют: «мясники». А как вы догадались, что я мечтаю о копченом мясе?

– Дурак! – презрительно фыркнула девушка, обнажая жемчужные зубки в презрительной улыбке – Ну какой же осел!

– Девочка, а вы правда леди? – с легким удивлением спросил я – Не служанка, надевшая мундир госпожи? Вы так ругаетесь, что можно подумать – всю жизнь простояли на овощном рынке. Удивлен, в высшей степени удивлен!

Девчонка покраснела от воротника до самой макушки, хотела что-то сказать – злое, язвительное, но не выдержала и почти выбежала из дверей столовой. А вот нечего было мне хамить! Я терпеть не могу хамов – даже если они имеют ангельскую внешность и вполне приличные сиськи, оттопыривающие мундир на груди. Увидела, что я из себя ничего не представляю – одет в дешевый мундир, никаких украшений,

нет модной прически с волосами до плеч – и тут же решила поставить на место нищebroда. Дурочка, точно! Но похоже, что я обрел нового врага. Впрочем – одним больше, одним меньше. Видал я врагов и покруче. Одно беспокоит – едва не выбился за рамки моей маски: «Недалекий наследник за худалого рода из провинции». Уж больно откровенно я над девушкой постебался.

– Зря ты с ней так! – послышался голос рядом, я обернулся – на меня смотрел парнишка моего возраста, один из тех, кто завтракал рядом со мной – Верга девка неплохая, гонора только много. Она с границы, и очень стесняется того, что приехала из провинции. И те, кто ей напоминает об этом становятся личными врагами. А так-то она не злая, с ней и поболтать можно, и посмеяться. Ах да...прости. Мое имя Керл. Керл Оссаг.

– Я Эдвин Ольгард. А откуда ты ее знаешь?

– Да я сам с севера – улыбается парнишка – Соседи! Она задавака, но вообще-то девка неплохая. А красавица какая, ты только посмотри на нее! Ммм... Будь я побогаче, попросил бы родителей заслать к ней сватов. Ну...после того, как отработаю контракт, раньше ведь мы не можем жениться.

Я посмотрел в серые глаза парня, и невольно улыбнулся. Парнишка мне нравится. Парень, как парень...и видно, что не злой.

– Да, нам нельзя жениться до истечения срока контракта – киваю я – Официально жениться.

– Хе хе хе...ну поджениться на полчаса всегда можно! Всего лишь большой серебряник! – хохочет парень, и тут же делается серьезным – Только не напасешься на шлюх. Мой Клан небогат, эта проклятая война с Севером истощила ресурсы – крестьяне бегут, не хотят арендовать землю, в лес не сунешься – можно стрелу в лоб получить, да и набегии постоянные, только держись! Как тут прожить? Мне родители выделили небольшое содержание, но...его на многое не хватит. Так что...

– А что Верга? Ее Клан такой же? Ну...с трудностями?

– Не-е...у них все в порядке. На их земле есть золотые россыпи, а еще – медный рудник. А медь она всегда нужна. Так что живут, и не думают, где взять денег на прокорм. Такие вот дела, коллега Эдвин...

Меня почему-то рассмешило это: «коллега», и стоило труда удержаться от улыбки. Парень первый день в Академии, а уже – «коллега»!

– Слушай, а давай вечером соберемся и отметим прибытие? – весело предложил Керл – сходим в город, купим пива, закуски, посидим, поболтаем! Я с соседом по комнате (указал на парня, который поднимался из-за стола), он из наших мест. Я его тоже с самого раннего детства знаю. Так вот – посидим, познакомимся...поищем общих знакомых. Нам вместе пять лет учиться, так что...лучше узнаем друг друга. Тем более что скоро соберутся все курсанты, и мне говорили – так такие есть...лучше вместе держаться, если надо бу-

дет дать отпор. Ты так-то не похож на богатыря, но парень крепкий, жилистый – у меня глаз наметанный. И похоже, что за словом в карман не лезешь, отпор можешь дать. Так что было бы неплохо нам подружиться. Один тут не проживешь. Знаешь, что тут бывают дуэли? И магические, и с оружием! Тут такие есть засранцы, что... слов нет! Убьют, и не поморщатся! И ничего им за это не будет – дети высших магов, и высших чиновников. Богатеи! Но об этом потом поговорим. Комната тридцать три, приходи к седьмому колоколу. Если чего захватишь с собой – будет здорово. Если нет – я куплю, потом ты соберешь стол, когда деньги будут. Жду! Увидимся!

И парень рванул с места к второму выходу, через который, собственно, и пошел его сосед по комнате. Ну а я задумчиво почесал в затылке – что это было? И зачем мне идти выпивать с парнями? Не обольщаюсь – люди могут выглядеть совершенно безопасно, не опаснее трухлявого пенька, но... вот я, например, кого могу напугать? Рост средний, личико смазливо-безобидное, широких плеч нет – разгляди во мне «палача»!

А парнишка-то сразу усек – я ведь совсем не так уж и безобиден, как можно было бы подумать. Как он разглядел, что я жилист и крепок? Уму непостижимо... сквозь одежду видит, что ли? А что, я слышал о таких, которые могут видеть сквозь преграду. Читал о них. И называются они как-то хитро... «проницательные», вроде так. Помню, смешно стало –

вот так, к примеру, идешь, и разглядываешь фигуры женщин, скрытые под платьями. Мечта задушенного желанием мальчишки!

Взрослому, конечно же, не интересно – ну что там нового в этих фигурах? Тем более что большинство женщин абсолютно голыми некрасивы. Лучше пускай воображение дорисовывает, чем смотреть на дряблые груди и целлюлитные попы. Циник я? Да есть немного... вот поживи ты всю свою сознательную жизнь как я – не только циником станешь, еще и свихнешься. Мрази, все-таки... взять трехлетку и лепить из него убийцу. Твари, право слово – твари! Никого не жалко – ни кураторов, ни Наставника. Последний – гнида из гнид, абсолютно лишенный чувства сострадания и вообще каких-либо эмоций. Голем, а не человек. И я бы такой был, если бы они сумели сломать мою психику. Только ошиблись, не на того напали! Совсем не на того... до смешного.

После столовой я первым делом обошел территорию Академии, чтобы осмотреть ее на предмет пересечения периметра без разрешения администрации. Проще говоря – искал дырку, через которую местная шантрапа бегаёт в самоволку. И нашел – дыра в дальнем конце кирпичного забора. Узкая такая, едва видна над землей – проделана магией, без всякого сомнения. Края дыры оплавлены. Замаскировали дыру густыми колючими кустами, так что если не знать, то век ее не найдешь. Но я нашел. Меня этому учили – искать.

А еще обнаружил три дерева с огромными ветками, захо-

дядцами за забор. Если иметь специальные когти – влезть по стволу плевое дело. А потом и наружу. И чтобы вернуться – крепкий шнур с якорьком-кошкой на конце. Со шнуром лазить по деревьям конечно же очень неудобно – руки режет, скользит, но...я знаю, как сделать, чтобы не повредить руки. И лажу я по веревкам что твоя мартышка. Как сказал мой новый товарищ по Академии – я жилистый и крепкий. Вот только пользоваться кошками достаточно проблематично – остаются следы на коре. Использовать можно, но только раз, или два – пока эти самые следы не найдут. И вот тогда будет беда – поставят засаду, и...«руки в гору!».

Но в общем-то я доволен – выйти смогу, клетка не закрыта намертво.

Ну а теперь надо сходить в город и осмотреться. Да может и денег слегка срублю...проверю себя. Безденежья не боюсь – такой как я всегда найдет деньги. Главное при этом не попасться страже. Она очень не любит воришек и уличных грабителей. Да, да – криминал! Но как еще можно в короткое время заработать приличные деньги? Только если кого-то обворовать, или у кого-то отнять. Ну а если попадешься...знать, такая твоя судьба. А кто обещал, что будет легко?

Глава 3

Все рынки похожи друг на друга, и одновременно каждый из них индивидуален. На севере рынок пахнет смолой и рыбой, на юге – экзотическими плодами, здесь, в столице, он

пахнет богатством. Нигде больше на рынках Империи нет такого количества лавок, торгующих дорогими, эксклюзивными вещами, как здесь. Да и лавками их назвать язык не повернется – магазины, самые настоящие магазины! С примерочными, с угодливыми, ласковыми продавцами, с мастерской, в которой вам тут же, при вас поправят под фигуру платье или брюки, подгонят под ваш размер кольца и браслеты, заточат меч или кинжал. Это даже не магазины, это целые предприятия, изготавливающие вещи от нулевого цикла, до «под ключ».

А продуктовые лавки! Ооо...лавка с копченостями едва не довела меня до обморока – так захотелось копченого окорока, подмигивающего мне капельками влаги, выступившей на нежном розовом срезе! В лавке холодно, как в погребе, продавец стоит за прилавком одетый в стеганую курточку – чтобы не простыть. Двойное удовольствие – и вкусного продукта купишь, и охладишься после раскаленного уличного солнцепека. Магия, конечно же – артефакт-охладитель работает по максимуму. И кстати, не так уж и дорого стоит. Вполне по карману среднему лавочнику. Хватает его обычно на месяц – потом надо снова заряжать, но зарядка уже совсем недорогое дело. Записался на очередь в Лиге Магии, вызвал оттуда специалиста по заправке артефактов, и еще месяц наслаждайся прохладой и свежими, не портящимися продуктами. Обычное дело.

На обратном пути надо будет зайти в эту лавку, прикупить

еще и тонких копченых колбасок на закуску. Северяне делают их очень хорошо, добавляя в фарш какие-то лесные пряности. И коптят на яблоневых опилках. Получается – пальчики оближешь. Знаю, пробовал. У меня был период, когда меня выпустили в город на «производственную практику». Я должен был выживать не имея средств к существованию и питаться тем, чего добуду. Ничего, выжил. Конечно, помереть с голоду мне бы не дали, и увезти меня каким-нибудь работорговцам тоже бы не дали. Я чувствовал, как за мной наблюдают. Слишком уж много в меня вложено сил и средств. А кроме того – я же приманка для оппозиции. Один из наследников императорской семьи. Пусть даже и бастард.

Но да ладно, сейчас не до жратвы. Тем более что денег у меня совсем-пресовсем мало. Нужно заняться финансами, а значит... значит, занимаю позицию в удобном месте – возле входа на рынок, под здоровенной шелковицей (тень хотя бы!), и наблюдаю за обстановкой.

Я вижу все – потенциальных «клиентов», которые идут так, будто находятся в безлюдной степи – кошель на поясе болтается, как мошонка у осла. А то еще и сзади подвешат, будучи совершеннейшими идиотами. Типа – прикрыл полой камзола, вот никто и не догадается, что там кошелек. Наивняк! Вон как стая рыночных воров лупает глазками из-под соломенных шляп. Вроде и не смотрят никуда, веки прикрыты, но взгляды острые, как боевая спица. Все видят, все подмечают. А я подмечаю их.

Стою, смотрю. Кто у них главный? Ага...вон тот щербатый парень лет двадцати от роду. Шепчет на ухо соседу, такому же как он парню в шляпе, тот быстро идет за толстым, утирающим лоб мужчиной, на поясе которого явственно просматривается «опухоль». Десять секунд – вот сколько понадобилось, чтобы подойти и срезать кошелек. Теперь вор должен делать ноги, пока «клиент» не спохватился.

Идет к Щербатому, ловко перебрасывает ему кошель не останавливаясь ни на миг. Еще секунда – Щербатый снимается с места и вразвалочку шагает прочь. Я иду за ним, стараясь держать в поле зрения. Если он скинет кошель кому-то еще – все сильно усложнится.

Не скинул. Идет неспешно, даже не проверяется. Непуганый! И это хорошо. Заворачивает за угол лавки старьевщика, и оттуда уже не выходит. Проверяет кошель? Иду следом, и...ныряю под руку, в которой тускло блестит нож! Нож едва не угодил мне в горло!

– Сучонок! Зачем за мной следишь?! Щас я тебя подрежу, гнида! И отолью на твой труп!

Вот те раз! Молодец шпанюк, чего уж там. «Не следит, не проверяется» – чушь собачья! Опытный волчара!

Режущие, «пишущие» движения ножа очень опасны. Не знающие люди считают, что опасен удар ножом с замахом, когда бьют от души, как пьяный грузчик не менее пьяного товарища за то, что тот отнял у него шляху. Нет. Самые опасные удары вот такие, когда нож порхает в воздухе, когда про-

тивник на максимальном расстоянии и норовит «пописать» тебе лицо и брюхо. Когда грязное лезвие развалит тебе глаз и нос – сразу станет не до разговоров. И добить раненого уже плевое дело.

Нож рассекает воздух рядом с моим лицом. Я пчусь, соображая, как мне поймать этого бойца. Но он не дает мне ни малейшего шанса, двигается как танцор – быстро, ловко, нож порхает как бабочка, жалит как пчела. Очередной выпад едва не лишил меня глаза, и я начал серьезно злиться. Глупо было бы вот так закончить свою молодую жизнь – на заплыванном, загаженном пяточке с торца лавки старьевщика. И этот подонок потом помочится на мой труп.

Почему-то именно эта деталь возбудила меня больше всего – я даже представил себе эту картинку: развязывает гульфик, вытаскивает свой вонючий отросток и мочится на меня, истекающего кровью, дергающегося в последних судорогах.

Вспышка ярости!

Ффыххх!

Из меня вылетает «чернота», направленная прямо в лицо противнику. Он столбенеет, глаза его белеют, как у снулой рыбы, хватается за горло, хрипя, пытаюсь вдохнуть, но... я не даю ему этого шанса. Шагая вперед бью костяшками пальцев в кадык, ломая гортань, а когда вор опускается на землю – одним движением скручиваю, ломаю ему шею. Все! Готово.

Обшариваю труп, забираю кошель, из-за которого все и началось. Продолжаю искать и нахожу еще два кошеля –

небольшие, но вполне увесистые, позвякивающие содержимым. Ищу еще – и добычей становятся золотая цепочка с шеи, и два ножа в ножнах, прикрепленных к предплечью и на спину, возле шеи. Чтобы можно было метнуть от затылка. Основной нож тоже забираю и рассовываю «перья» по карманам, благо что на этой одежде у меня их десятка два. Рабочая одежда, специальная. Ясное дело, что отправляться на акцию в мундире Академии было бы верхом глупости.

Не сходя с места, проверяю кошель, убеждаюсь, что они полны серебром и медью (даже пару золотых углядел), ссыпаю монеты по карманам. Кошель бросаю на труп – не надо таскать с собой улики. Деньги ты никак не привяжешь к человеку, а вот кошель – вдруг остановит патруль стражи, а толстяк подал жалобу на кражу (бывают и такие идиоты). И вот у меня находят искомый кошель. Что тогда будет? Плохо тогда будет. Очень плохо. Даже и прогнозировать муторно. Казнить могут – запросто. В Академии я точно учиться не смогу – там воров и грабителей не держат, а без Академии магу жить нельзя. Необученные, неконтролируемые маги подлежат ликвидации.

Все! Бежать отсюда! Прихватят рядом с трупом – проблемы будут. Хотя возможно что никто и не поверит – какой-то там мальчишка смог завалить главаря банды воров. Слишком уж это фантастично. Пока этот тип выбрался наверх – сколько ему пришлось завалить конкурентов? Я думаю – много. И не провинциальному невзрачному мальчуга-

ну его убивать.

Жалость? Ни малейшей жалости к убитому у меня нет. Терпеть не могу всяческую шпану – хулиганов, грабителей, мошенников и прочую уголовную шушеру. Я бы их казнил без жалости и сожаления.

Ретроспектива

– Я не буду убивать собаку. И кошку не буду. Можете меня убить.

– Хорошо – лицо Наставника остается холодным, бесстрастным, как у статуи – Тогда ты убьешь человека. Казнишь приговоренного к смерти. Ты должен приучиться убивать.

Мальчик молчит, смотрит на мужчину, стоящего перед ним. Они почти равны по росту, и похожи, как отец и сын. Или, скорее, как внук и дед – у старшего волосы белые, как снег, у младшего русые. У обоих бесстрастные лица, серые глаза смотрят прямо, и кажется, взгляды скрещиваются, издавая скрежет металла по металлу.

– Я хочу знать, за что его приговорили – после трехсекундного молчания отвечает младший.

– Его приговорил имперский суд – холодно говорит старший – А значит, он должен быть казнен. И разве тебе не все равно, за что его приговорили? Тебя поставят перед ним, и предложат ему убить тебя. И если убьет – приговор смягчат. И что ты тогда будешь делать? Позволишь убить себя?

– Может, и позволю! – подросток вздернул голову, буд-

то пытался посмотреть на собеседника сверху вниз – Я сам определяю, достоин он жить, или нет.

– А кто ты такой, чтобы судить людей? Какое ты имеешь право судить?

– Не меньшее, чем какой-то судья, получивший свою должность из-за нажитого его отцом богатства. Но скорее даже большее, потому что меня нельзя купить.

– Тебя нельзя купить? – усмехнулся мужчина – Ты так уверен? У тебя есть выбор – умереть, или жить. Но до сих пор ты всегда выбирал жизнь. Неужели ты поставишь на кон свою жизнь напротив жизни совершенно неизвестного тебе человека?

Молчание. Секунд на двадцать.

– А если этот человек злоумышлял против трона? Против законной власти? Ты и его оставишь жить?

Подросток сдвигает брови, и чуть наклонив голову, исподлобья смотрит на собеседника. Он понимает, что вопрос провокационный, что от него ждут правильного ответа, и жизнь его сейчас висит на волоске.

– Нет, не оставлю. Если доказано, что он участвовал в заговоре, что приговор справедлив – я его убью.

– А как ты определишь, что приговор справедлив? Ты будешь сам вести расследование? Или все-таки доверишься имперскому суду? Каким образом ты проведешь свое расследование?

– Я поговорю с осужденным – упрямо набычивается под-

росток, и закусывает губу.

– И он тебе все честно расскажет? Не соврет?

– Я почувствую, если он соврет – продолжает упрячиться подросток.

– Послушай, мальчик...сейчас ты доказываешь свою незрелость, как взрослого мужчины. Тебе уже четырнадцать лет. В четырнадцать лет можно вступить в права наследства, жениться, наняться в армию, распорядиться своим имуществом так, как ты хочешь. Государство определило, что ты взрослый. А сейчас ты доказываешь, что до взросления тебе далеко! Ты – рука Императора, его меч. Если Император с помощью своего суда определил, что человек виновен и заслуживает смерти – как ты можешь пойти против решения властителя? Это самый настоящий бунт! А бунт карается смертью. Разве ты не хочешь жить? После стольких лет тяжелой работы? Тренировок? Недосыпания и боли? Зачем тебе это? Разве ты не должен думать о себе, и о своем Императоре, который пощадил тебя, который дал тебе возможность искупить вину твоего отца?

– Причем тут отец и его вина? Я ничего и никогда не делал против Императора! Почему мне все время тычут его преступлением?! Разве дети отвечают за родителей? Это же несправедливо!

– Это справедливо. Каждый, кто задумал совершить предательство по отношению к своему властителю, должен понимать, что в случае проигрыша он ответит не только своей

жизнью, но и жизнь всего своего клана, жизнями всей своей родни. И только так можно удержать человека от предательства! Люди слабы, им всегда мало – власти, денег, влияния. Им кажется, что они могут победить, и они совершают ужасные поступки. То, что тебя пощадили, есть добрая воля Императора. И ты обязан ему всей своей жизнью! Понимаешь? Тебя могли удавить еще тогда, когда ты едва научился ходить. Но пощадили!

– И теперь до конца жизни будут этим попрекать.

– А как ты хотел? Если ты сам не понимаешь, что делаешь! Тебе приказали убить приговоренного к смерти, а ты что делаешь? Рассуждаешь о том, виноват он, или нет?! Ты не рассуждать должен, а благодарить за то, что наконец-то тебе предоставили возможность отплатить своему Императору за доброту! А ты о чем говоришь? О том что позволишь себя убить, если считаешь, что преступник несправедливо осужден? А силы, вложенные в тебя? Деньги, которые потратили на твое содержание? Это все принадлежит Императору! Как и ты сам! Тебя нет, понимаешь? Есть Мастер Смерти, который убивает того, на кого ему показали, кого приказали убить. Ты меч, которым Император сносит головы тем, кто совершил преступление против его власти! А если меч плохо исполняет свои обязанности – его или перековывают, или уничтожают. Тебе ясно?

Молчание. И нехотя, сквозь зубы:

– Ясно...

– Тогда вперед. Твой противник – грабитель, предводитель шайки. Убил много людей, поймали его на месте преступления, когда он и его поделщики сдирали одежду с убитых ими членов семьи купца, среди которых были и две девочки. Девочек они изнасиловали, если тебе это интересно. Младшей было семь лет. Преступнику обещано помилование, если он тебя сможет уложить. Заменят каторжными работами. Глупо, кстати – на рудниках больше трех лет не живут. Лучше сразу умереть. Но это его выбор. Они все надеются на чудо, на то, что с горных рудников можно сбежать. Ты готов?

– А переодеться? – мальчик кивает, показывая на обычный костюм, в котором он выходил в город – Я же его испачкаю. Да и неудобно...

– Ты должен сражаться в той одежде, в которой ходишь каждый день – хмыкает Наставник – И тебе не должно быть неудобно. И да, старайся на запачкаться. Представь, что ты уходишь после акции, и твой костюм испачкан в крови и грязи. Ты сразу же обратишь на себя внимание, и как следствие – можешь быть захвачен, или убит. Потому береги одежду.

Мальчик кивает, идет следом за мужчиной, глядя ему в спину с угрюмой ненавистью, смешанной, как ни странно, с уважением. Да, какого черта кобенится, если хочет жить? Тут или он убьет, или его убьют – выбор прост. Он все равно этих людей не знает, они ему никто, и будут стараться убить. Так что... все по-честному. Им предложили выбор –

облегчение участи, или смерть другого человека. Они согласились. Так чего теперь переживать?

Того, кто вышел в зал трудно было назвать человеком. Огромный, практически двухметрового роста, с пудовыми кулаками и тяжелыми надбровными дугами он походил на обезьяну, зачем-то нацепившую на себя грязные лохмотья человеческой одежды. Желтых зубов во рту монстра не хватало, левую глазницу пересекал шрам, стягивающий кожу, и потому казалось, что этот мужик прищуривается, как если бы ему в глаза светило яркое солнце. У него не было оружия, он сам оружие, если дасться ему в руки – порвет. Любой, увидев такого громилу испугается и постарается избежать встречи – так, на всякий случай. Но... мальчик был настолько спокоен, что это казалось чем-то ненормальным. Он дождался, когда противник с яростным ревом бросится вперед, норовя сграбастать в охапку, сломать, раздавить, каким-то чудом проскользнул между огромными лапами, способными сломать подкову, и... остался стоять на ногах, а соперник схватился за горло и опустился на колени, хрипя и булькая кровью из дыры на месте кадыка. Тонкие, сухие пальцы вонзились в шею преступника не хуже острого кинжала, и мгновенно вырвали кусок плоти, валяющийся теперь на полу.

Мальчик выждал секунды три. Противник все не умирал – огромное тело отказывалось признать поражение. Тогда палач подошел со спины и одним быстрым движением свернул шею соперника. Громко хрустнули позвонки, и с гром-

ким стуком-шлепком труп повалился на пол. Бой был закончен. Мальчик внимательно посмотрел на расплывающуюся темно-вишневую лужу, поморщился, видимо от запаха нечистого тела противника, а может от запаха свежей крови, и неспешно пошел на выход из комнаты. Лицо его снова было непроницаемо-холодным. Ни тени сожаления, ни радости, никаких-то других эмоций. Пришел, убил, ушел.

Я не могу управлять своим магическим «даром», если можно так назвать мою черную магию. «Дар», по моему разумению – это что-то хорошее, что-то созидающее. Например – способность лечить людей. Или вызывать дождь в засуху. Даже зажигать свечу на расстоянии – это тоже Дар! Но способность делать пакости людям, заставляя их болеть – это не Дар, а проклятие. Тем более если ты не контролируешь это умение, и можешь вызвать его только тогда, когда находишься в состоянии бешенства. Как сегодня, например. Я вообще-то не собирался убивать этого вора – стукнул бы его по башке, забрал народные деньги, да и был таков. Но он собрался убить меня, а значить – пришлось его убирать. Опять же – он запомнил мое лицо, а зачем мне «засвечивать» свою личину? Так что...покойся с миром.

Да, для меня был неожиданностью этот самый прорыв черной энергии. Я не рассчитывал на него, потому был слегка ошеломлен. Но годы тренировок не позволили мне растеряться. Не знаю, что такое я сделал этому парню, от чего

он застыл как столб, но грех было не воспользоваться возможностью его завалить. И снова покопавшись в своей душе, равнодушно констатировал: ни малейших сожалений. Ну не умею я жалеть всякую воровскую шпану!

Ладно, потом еще обдумаю то, что произошло. Одно только надо признать: сработал я плохо, грязно, план мой полностью провалился. Парень меня вычислил и едва не убил. Если бы не до автоматизма отработанные приемы самозащиты – тут бы мне и конец пришел. Двигался этот ныне покойный воришка очень даже быстро и профессионально. Может потому и поднялся на уровень главаря шайки.

Теперь мне нужно кое-что купить, и путь мой лежит в лавку травника. Я видел такую, когда бродил по рынку, присматриваясь к обстановке. Как и все лавки здесь – большая, и уверен, у травника там есть своя лаборатория. Готовит же он где-то свои снадобья?

Лаборатория, если ее можно так назвать, в лавке конечно же была. Но травник категорически не желал меня в нее пускать, ни бесплатно, ни за деньги. И в принципе я его понимаю – бродит тут всякая шантрапа! А потом реторты-пробирки пропадают... Но после недолгого раздумья я решил, что все-таки это никакая не трагедия. обойдусь без лаборатории травника. В Академии есть прекрасная лаборатория со всем нужным оборудованием, так что я буду делать свои снадобья там, главное – получить разрешение на сверхурочное посещение. Ну не при товарищах же мне делать смер-

тельные и парализующие яды? И хитрые порошочки, которые ослепляют, по времени от суток, до...бесконечности.

Кстати, о товарищах...может вина прикупить? Кроме пива? Или это неправильно, мешать пиво и вино? Решил все-таки ограничиться пивом, и бодро зашагал по рынку, отыскивая все, что мне было нужно. Пиво и закуски я куплю после, в самом конце моей прогулки.

Пришлось нанимать извозчика. Торговался, как настоящий цыган, сбил цену в три раза. Ну что за привычка у работников вожжи и кнута завышать цену в несколько раз? И ведь видит, что перед ним никакой не мажор, а парень из провинции в дешевенькой одежонке, и все равно завышает. Справедливости ради надо сказать, что одежонка моя не такая уж и дешевенькая. Неприметная, да. Немодная. Но ткань высокого качества, и сшито по специальному заказу, с десятками карманов и потайных мест по всему камзолу и в штанах. Даже в ботинках (или лучше назвать их «туфли»?) у меня есть потайные «карманчики». Например, в каблуке. Я бы и другие ботинки взял, те, у которых из носка при ударе вылезает покрытое ядом острое, но...мне такие не дали. Мол, зачем тебе? Ты учиться едешь, а не убивать!

Пока шатался по рынку, совершенно автоматически проверялся – не следят ли? Уж очень не верится, что «крысы» оставили меня в покое. Но так наблюдения и не обнаружил. Если за мной и следили, то умение «топтунов» было самого высокого уровня. Но скорее всего это у меня самая настоя-

щая паранойя – за десять с лишним лет я уже привык, что за мной постоянно следят. Даже тогда, когда я отправляюсь в сортир. Да что сортир – когда ко мне приводили женщин, я чувствовал на себе любопытный взгляд наблюдателя.

Впрочем, это никак не влияло на мою потенцию. В четырнадцать лет тебе хочется трахнуть все, что хоть отдаленно напоминает женщину и вяло трепыхается. Кровь кипит, бурлит! Кроме того – существуют снадобья для разжигания похоти. И такое я умею делать, и сделал. Испытал, конечно же, на себе. Результат не то что бы доставил удовольствие (какое тут удовольствие, если у тебя сутки напролет в башке истовое желание наброситься как существо противоположного пола, и...), но удовлетворение от хорошо сделанной работы. «Я смог! Я крут!»

Кстати, очень даже популярная у мужчин штука это снадобье. Но больше всего – у женщин. Нет, для женщин снадобье иное, немного иное – мужское на них действует очень слабо, но кто сказал, что мужское они употребляют сами?

Вообще-то изготовление такого снадобья, если ты не обладаешь магическими способностями, дело дорогостоящее и сложное. Если у тебя нет магии – где ее взять? Позаимствовать, конечно. Покупается довольно-таки дорогой одноразовый амулет, который разряжается при опускании его в жидкость, передавая магическую силу составу, и...получается снадобье, которое без магии почти не работает. Магия усиливает действие снадобья в сотню, а может и более раз. А

вот амулет потом снова надо тащить на зарядку к магу, который не преминет содрать с тебя приличную денежку. Сколько? Пять серебряников, не меньше! И это еще в провинции. В столице дороже. Я пока не умею заряжать амулеты, но надеюсь научиться. Если получится, конечно. Все-таки слишком специфичные у меня способности. Я ведь пытался зарядить такой амулет, когда у меня проснулась магия. Результат – рассыпавшийся в порошок камешек, служивший вместилищем магии.

Итак, в руках у меня две сумки с едой и питьем, в карманах три ножа и россыпь позвякивающих монет, а впереди посылки со своими будущими товарищами. Будущими, потому что пока они мне никакие не товарищи, а так... случайные знакомые. И будем ли мы товарищами – покажет время.

Глава 4

И где будет происходить эта замечательная встреча? В комнате у Керла? В моей уж больно убого. И не просто убого, а какая-то стыдоба, да и только. Впрочем – они же к себе звали, так чего мне думать?

Беру сумку, тащусь по коридору, разглядывая номера на дверях. Само собой, нужная мне дверь вела в комнату на противоположной стороне коридора, на той, где комнаты выходят окнами в парк. То ли парней определили как более достойных, чем некий Ольгард, то ли они дали денежку малую за то, чтобы им предоставили хорошую комнату, но факт

есть факт. Устроились парни лучше, чем я. В чем убедился, только лишь переступив порог комнаты.

Стены оклеены обоями, я не покрашены масляной краской, за окном – парк, и сюда доносится запах цветов с клумб. Да и сама комната вроде как больше, чем моя, а еще – везде полочки, шкафчики, и даже холодильный шкаф, такой, какой стоял там, где я жил все эти годы. Здоровенный такой шкаф! Он охлаждается магией, зарядки амулета-охладителя хватает на год.

– Наконец-то! – Керл меня встретил радостно, и похоже что радость эта была искренней. Или же он хорошо играет – Знакомьтесь! Это Эдвин Ольгерд, новичок, как и мы! Эд! Надеюсь ты не будешь против, если я тебя буду так называть? Эд – это вот мой товарищ, напарник по комнате, его имя Сегер Сталесс. А это наша знакомая – Эдна Варрас. Ну а Вергу ты уже знаешь. Ах да! Я не представил! Верга Харрис – дочь уважаемой семьи, славящейся своей добродетелью, и... богатством. Хе хе...

Верга ничего не сказала в ответ на мое приветствие, только поджала губы и отвернулась, а я вдруг остро почувствовал разочарование, мне наверное не следовало сюда приходить. Ну зачем мне смотреть на эту задаваку? Даже если она выглядит, как идеал девушки пятнадцати лет. Не всегда форма оправдывает содержание. Конечно же я не считаю, что все красивые женщины глупы, но... почему-то частенько так и бывает. Некогда я думал над этим, так вот пришел к выводу,

что если Провидение дало женщине феноменальную красоту, то считает – ей дадено уже достаточно, чтобы та прожила сытую и обеспеченную жизнь. Ум красавице не нужен. Это дурнушки должны пробиваться по жизни, потому – им и острый ум, и все сопутствующие ему плюшки. А красотке достаточно лишь томно вздохнуть, чтобы полушария выпятились из лифа подальше, да похлопать длинными ресницами – вот уже мужик валяется у твоих ног. Утрирую, конечно, все не так просто, но...факт, есть факт.

Вторая девушка была не то чтобы красива, но...очень мила. Глаза большие, зеленые, губки пухлые, щеки гладкие – все бы ничего, но ее внешность немного портили оттопыренные ушки, скрыть которые не могли и усиленно начесанные на них волосы цвета воронова крыла.

Кстати, как на мой вкус – такие ушастенькие девушки гораздо более привлекательны, чем записные кукольные красавицы вроде этой Верги. Так и хочется взять такую девчонку за ушки, и...впиться в ее губки долгим поцелуем. Может я ушной фетишист? Ну нравятся мне лопухонькие, да и все тут!

– Привет, Эд! – голос Эдны был звонок и приятен – Рада с тобой познакомиться!

Верга при этом посмотрела на нее, как на кошачье дерьмо, в которое только что наступила. Столько в девочке гонора – это просто непостижимо.

– Эдна из большого, древнего, славного Клана! – радостно

пояснил Керл – Только обнищавшего так же, как и наши с Сегером. Эта проклятая война так надоела, так надоела!

– Ну...вы вроде как не бедствуете? – обвел я взглядом комнату – А меня вселили в такую дыру, что даже и пригласить кого-либо стыдно (я посмотрел на Эдну). Комната для прислуги, и то наверное лучше.

– Это платная комната – махнул рукой Керл – Наши отцы считают, что пусть мы и не так богаты, как раньше, но должны держать уровень, соответствующий нашему статусу. Мы не можем уронить честь Клана, проживая в неподобающем месте. Чушь, конечно же – взрослые все время стремятся доказать, что их статус выше всех, и тратят на это кучу денег. А нам с Сегером плевать на статус, нам бы вкусно поесть, немного выпить, да чтобы девчонки красивые рядом были.

Он подмигнул Эдне, та улыбнулась и поправила прядь волос, прикрывающую правое ухо. Мда...похоже у девчонки комплекс на эту тему, и какого черта родители не позаботились о том, чтобы избавить ее от него? Что, магов-лекарей мало, что ли? Враз сделают ушки такими, какими хочется девчонке.

– Я тут свою долю принес – оглядываю уставленный тарелками стол – Примете?

– Еще как примем! Мы любим поесть! – улыбается Керл, и берет мою сумку в руки – О! Тяжелая какая! А что там? Кувшинчики! Пиво, да холодное! А как сумел сохранить холодным? Да что я туплю...небось заморожено было. Девоч-

ки, поможете нарезать и разложить?

Верга, как я и ожидал, даже не посмотрела в его сторону, в вот Эдна вскочила с места и стала хлопотать, красиво раскладывая копченые колбаски и нарезанный тонкими ломтями окорок. И пока раскладывала, я с удовольствием отметил, что ее фигура ничуть не хуже, чем у Верги. По крайней мере – платье сидело на ней как влитое, обрисовывая длинные бедра и крепкую грудь, оттопыривавшую ткань. Хорошая девочка, сразу видно. Без закидонов и всяческой мути, которая бывает в головах у девчонок-подростков. Впрочем, по меркам Империи – обе девушки уже взрослые, половозрелые, способные выйти замуж и произвести детей.

– Ну, давайте выпьем за знакомство! Нам тут учиться еще пять лет, так что...будем держаться вместе.

Керл разлил мое пиво по кружкам, девушкам налил вина в прозрачные бокалы. Мы сдвинули свои посудины и выпили. Пиво мне понравилось – ледяное, шипучее, и не горькое. Не люблю горькое. Впрочем – как и приторно-сладкое. Есть такое – густое, темное, едва ли не как желе. В башку шибает – как лошадь копытом.

– Сейчас поедим, и будем рассказывать о себе! – не понижая уровня жизнерадостности заявил Керл, а у меня внутри слегка заledenело. Как только вопрос касается моего происхождения...это просто нож острый. Но что поделать? Здесь люди в первую очередь говорят о своем Клане, и все невероятно озабочены социальным статусом. Просто-таки

до смешного озабочены. Как маньяки озабоченные блондинками в черных чулках.

Поели. Колбаски вкусные, ветчина – выше всяких похвал! Пиво ледяное, лепешки свежие – чем не жизнь? А жизнь-то налаживается! Ну...наверное. По крайней мере я вырвался из проклятого места, в котором меня терзали больше десяти лет. Но не сломали! Нет, не сломали.

– Эд, расскажи о себе? – просит вдруг Эдна, и Керл радостно подхватывает:

– Расскажи, расскажи! А то ты про нас знаешь, а мы про тебя – нет!

– А нечего рассказывать – бесстрастно отвечаю я, откусывая от колбаски. Прожевываю, и замечаю, что все молчат, ожидаю продолжения – Что? Да нечего, я же говорю. Сирота. Отец умер, когда мне было три года, мама – когда было семь лет. Жил до сих пор у друга семьи. Учился на дому, и вдруг – проявилась магия. Вот, в общем-то, и все. Не богат, не беден, ничем особым не отличаюсь. Не красавец, и не урод. Что еще? Ах да...играю на лютне, только лютни у меня нет. На дядиной играл. Иногда сочиняю песни. Когда настроение есть. Ехать сюда не хотел, но заставили – закон ведь, и все такое.

– Играешь на лютне?! – восхитилась Эдна, а Верга презрительно фыркнула. Вообще непонятно, зачем она сюда пришла, если ей все так не нравится. Странная девочка.

– Играю – пожал я плечами.

Да, играю. Заставили научиться. Благо, что музыкальный слух у меня есть. И стихи умею сочинять, это точно. Говорят – неплохие. Маска барда – одна из лучших для шпиона и убийцы. Ну кто может подумать, что какой-то там стихоплет, брэнчащий на лютне, может быть палачом? Даже смешно! Опять же – верный способ заработать денег, если нет возможности их украсть или отнять. Меня многому научили – всему, что хотя бы теоретически может пригодиться для выживания. И не только драться и травить ядами, но еще – и танцевать. Ездить на лошади. Разбираться в моде и манерах. Даже язык веера и мушек на лице – и это я знаю! Как и несколько языков. Двенадцать лет – каждый день, без выходных, по 10-12 часов в день, а частенько и дольше. Никакого детства, никакой личной жизни. Только учеба, только тренировки на грани истязания. И за гранью – тоже.

Господи, как я их ненавижу! Если бы мог убить взглядом – я бы всех их убил! Нет, не нынешних моих собутыльников. Тех, кто решил из трехлетнего несмышленища сделать убийцу без совести и сожалений. Разве можно ТАК поступать с детьми?! Но еще не вечер... думаю, мы встретимся.

– Сыграешь нам?! – радостно спрашивает Эдна, и улыбается, обнажая белые, крепкие зубы. Приятная девочка, да... и ушки у нее такие... розовые на просвет! Мда... я бы с ней не отказался...

– На чем он сыграет, дура! – фырчит Верга, и косится на меня диким взглядом дурной кобылы, недовольной своим

наездником – Он же нищеврод! Лютня денег стоит! И приличных! А хорошая лютня – ОЧЕНЬ приличных! А у него, как у помоечного кота, только болячки, да шерсть клочьями!

Молчание. Парни переглянулись, нахмурились. Я их понимаю – неприятно ведь... пригласили парня, а тут такое безобразие. Мне было бы стыдно за такое.

– Мне стыдно за тебя – внезапно говорит Сегер, строго глядя в лицо Верги – Наши предки некогда завоевали северные территории. Дрались с северными племенами, отвоевывали землю. Потом заселяли ее. И они совсем не были богачами. Сильные духом и телом они выжили, и дали жизнь нам. У парня нет родителей, он сирота. Ему не повезло. Разве он виноват? А если завтра убьют твоих родителей, если ты лишишься состояния, как, например, наши Клань? Тогда что ты скажешь? Верга, ты ведь никогда не была такой высокомерной сукой! Мы вместе играли, вместе смеялись и мечтали о будущем. Что с тобой случилось?

Молчание. Потом Верга порывисто встала, ее лицо скривилось в гримасе злобы и неприязни, она шагнула к двери, и рывком открыв ее, вышла, не сказав никому ни слова.

– Ну вот... – грустно вздохнул Керл – Посидели, называется!

– Прости, Эд – мрачно сказал Сегер – Это я виноват. Пригласил ее. Не думал, что так все получится. Не ожидал от нее.

– Может у нее месячные? – хихикнул Керл – Девицы, когда у них месячные, становятся просто невыносимы!

– Ф-ф-у-у... – хихикнула Эдна, ничуть не расстроенная скандалом – Ну зачем о таких вещах говорить за столом? И вообще неприлично мальчикам говорить об *этом*! Да и что ты можешь знать о женщинах? У тебя вечно на уме была только рыбалка, да лошади! Ты и девушек-то вблизи не видал!

– И ничего подобного! – расплылся в улыбке Керл – И видал, и знаю! Хочешь, расскажу, как в публичный дом ходил?

– Вот только этого мне не хватало! – Эдна хихикнула и швырнула в Керла купленной мной колбаской. Он ловко поймал колбасу, и с довольным видом засунул в рот. Прожевав, расплылся в улыбке:

– Сразу троих! Целый день! Они аж визжали! Тебе, девственнице, не понять!

– Дурак! – Эдна снова швырнула в него колбаской, и я поспешил схватить оставшуюся на тарелке – эдак и самому не достанется.

– И вообще – у тебя родинка на левой груди! – хохотнул Керл, чем заставил Эдну покраснеть. Она показала ему кулак, и обращаясь ко мне, сказала:

– Ты не думай, он меня голой не видел! Этот мерзавец – «проницательный». Только дохленький – родинку может разглядеть, а больше-то и ничего! Вот же дал Создатель талант – мерзавцу! Похабнику! Редкий талант! Один на миллион! А может и более редкий! Хорошо хоть убогий талантшко, а то бы я его давно прибила.

– А на левом бедре у тебя...

Керл не закончил фразу. Стул, на котором он сидел, вдруг закрипел, ножка его подломилась и он со всего размаху грохнулся об пол. Я даже поморщился – голова ударилась с таким стуком, что могло получиться сотрясение мозга.

– Ничего ему не будет, у него нет мозга! – довольно заявила Эдна, глянув на меня (будто слышала мысли) – Нечего ему сотрясать! А впредь урок будет – нечего языком трепать! Где-нибудь в приличном обществе его за такое уже бы вызвали на дуэль.

– Кстати, Керл...а как это вообще выглядит? – с неподдельным интересом спросил я – Ну...как ты видишь? Проницаешь, то есть?

– Вот зачем было стул портить? – Керл кряхтя поднялся с пола, потирая затылок – Она маг воздуха, проклятая девка! Взяла, да и подрубила ножку! А мне теперь новый стул покупать?! Ну чего такого я сказал?! Мы с тобой вообще в детстве голыми в пруду купались, забыла? И ты меня не стеснялась! А теперь видишь ли я про родинку сказал! И еще – вруша такая! Я ее голой не видел! Видел! И не раз, и не два! Болтушка!

Эдна покраснела, и сердито оборвала парня:

– Вообще-то это было десять лет назад! Когда мы с тобой пару раз убежали из-под присмотра, когда наша семья была у вас в гостях! И мы вообще не понимали, что такое нагота, и почему нельзя бегать голышом! А ты перед сторонним че-

ловеком рассказываешь так, что можно понять, будто мы с тобой были любовниками. Ну как тебе не стыдно?!

– Гы гы... Да я бы не отказался стать твоим любовником – гыгыкнул Керл – Я тебе уже это предлагал. Только ты же принца ищешь! Тебе императорская кровь нужна! Тебе простой провинциал не нужен! Эд, вот тебе – нужна принцесса? Ищешь себе девушку с кровью императорской семьи в жилах?

– Точно не ищу! – с чувством, совершенно правдиво ответил я – Никаких девушек с кровью императорской семьи в жилах, или где-нибудь еще.

– Вот видишь, подруга! – ухмыльнулся Керл – Человек знает свое место и довольствуется тем, что имеет! И не замахивается на несбыточное! А ты...

– А я сейчас уйду, если ты продолжишь позорить меня перед Эдом – сердитая, красная Эдна смотрела куда-то надо мной, в потолок, и я чувствовал всей кожей, как она разозлена – Новый человек, а ты ведешь себя... как... как...

– Все, хватит! – вмешался молчавший Сегер – Вы вечно как сойдетесь, так начинаете эти дразги. Ну что за удовольствие поддевать друг друга? Мне уже надоело вас слушать, думаю – Эду тоже. Давайте лучше выпьем за то, что мы здесь оказались. Согласитесь, это не худший выбор Создателя. Для магов всегда есть служба, всегда их уважают, и они никогда не будут голодать. Вот за это и выпьем.

Выпили, я утер рот от пены чистым полотенцем, которое

лежало рядом, и не удержался, спросил:

– А ты какой аспект используешь, Сегер? Эдна – воздушница, Керл – прОник, а ты кто?

– Я... – Сегер вытянул руку, и... на среднем пальце у него вдруг заплясал, загорелся шарик огня. Красный шарик, едва светящийся. Сегер поморщился, и шарик исчез.

– Устал, что ли... – немного виновато констатировал он – Аспект огня у меня. Только хиленький, совсем небольшой. Но надеюсь, здесь этот дар разовью. Вот только зачем он мне? Воевать я не хочу, так что боевым магом нет никакого желания становиться. Вон, Эдна – стихийница. Облака может пригнать... когда научится. Или ножку стула воздушными лезвием подрубить. А мне зачем огонь? Что с ним делать? Ладно, посмотрим. А ты, Эд, чем награжден? Какой у тебя Дар?

Молчу. Что сказать? Правду? А как они отреагируют на правду? С другой стороны – официально черная магия не запрещена, никто на костер меня не поволочет. Но есть в обществе эдакое... нехорошее отношение к черной магии. И это по большому счету понятно – вот ты идешь по улице, а сзади топает какой-нибудь черный маг, и тихонько напускает на тебя порчу. Примерно так представляют себе «работу» черного мага обычные люди. Попробуй, докажи им, что для того, чтобы выпустить в противника заряд негативной энергии тебе нужно очень сильно постараться. Что это НЕ ТАК, работает. И что черная магия – это вовсе не рассылание про-

клятий, хотя и это имеет место быть. Черная магия – работа с материей, она сродни аспекту земли. Вот только владеющий аспектом земли может преобразовывать материю, придавать ей какие-то новые свойства, а черная магия стремится привести материю к первоначальному состоянию, то есть – к хаосу. Она разрушает.

Откуда знаю? Да начитался, благо что книжек в поместье было более чем достаточно. И первое, что я сделал, когда узнал о своих новых способностях – стал искать руководство по управлению черной магией. Само собой, ничего такого не нашел – не то место – но кое-что все равно узнал.

– Я черный маг... – говорю бесстрастно, с некоторым извращенным удовлетворением глядя на то, как меняются лица моих собеседников. Интересно, как они отреагируют? Выбегут из комнаты? Попросят меня уйти? Начнут читать молитвы и заклинания? Вот сейчас я и узнаю, как отреагирует основная масса студентов.

– Вот это да! – нарушает тягучую, вязкую тишину голос Эдны – Никогда не видела черного мага!

– Еще бы – хмыкает Сегер – Они настолько же редки, как красные алмазы. Только в отличие от них, черных магов никто не любит.

– Ну почему это? – Эдна ехидно улыбается – Девушки любят плохих парней!

– Это за что же?! – не выдерживает Керл – У них что... по колено?

– Фу! Керл! Как тебе не стыдно! – краснеет Эдна, зажав лицо руками и хихикая.

– Ну а чего? Вот я плохой парень, а ты меня не любишь! Это как? – сердито бурчит Керл, и в его прищуренных глазах мелькают смешинки – Значит, должна быть какая-то другая причина. Так почему не эта? Эд, ты...

– Нет! – перебиваю я его серьезно.

– Что – нет? – не понимающе смотрит на меня Керл.

– Не покажу! – так же серьезно продолжаю я.

– Ах-ха-ха! – хохочут парни.

– Хи хи хи... – выглядывая из-за ладоней включается в общий смех Эдна, поглядывая на меня из-за ладоней, прикрывающих лицо.

Ладно, результат неоднозначен, но...в общем-то тест можно сказать удачный. Не все будут от меня шарахаться, как от ядовитой змеи.

– Керл, ты с годами становишься все пошлее и пошлее – отхихикавшись замечает Эдна – приличным девушкам рядом с тобой находиться невозможно!

– Это значит, что ты неприличная девушка? – парирует Керл, и ловит в воздухе кусок лепешки, брошенный ему в голову – И вообще, пусть я пошлый, зато рядом со мной интересно. Иначе бы ты не притащилась сюда, не правда ли?

– Просто некуда было пойти – вздыхает девушка, и похоже, что она говорит серьезно – Я тут никого не знаю, кроме тебя, да Сегера. Да вот еще теперь Эда. Эд, да не переживай,

мы же не какие-то дикие сектанты из Лиги Чистоты, мы все понимаем! Ты не тайный убийца, который только и мечтает, чтобы всадить в кого-нибудь черное проклятие! Ты такой же студент, как и мы!

Я закашлялся, поперхнувшись пивом. Надо же было мне в этом самый момент хорошенько хлебнуть из своей кружки. Не в то горло видно попало.

– Это...можно я спрошу? – неуверенно начал Керл, и я недовольно на него покосился, уже зная, что тот может спросить – А КАК определили, что ты черный маг?

Мда. И что сказать? Опять правду? Хмм...а почему бы и нет? Нет, не всю правду, ровно столько, сколько достаточно для создания правильного настроения. Например – пусть разойдутся слухи, нужные мне слухи. Меньше будут приставать, доставать и все такое.

– Конюх меня оскорбил. Назвал ублюдком, плохо говорил о моей покойной маме. Я пожелал, чтобы у него отгнили яйца.

– Кхмм! – из носа Керла полезла пивная пена вместе с соплями (он как раз решил отхлебнуть из кружки), он закашлялся, и некоторое время трубно сморкался в платок, который достал из кармана. Затем глянул на меня слезящимися покрасневшими глазами, и хрипло, откашливаясь, сказал – Экхх...вот это да! Кхмм...да тебя трогать опасно! Это я хорошо с тобой познакомился! Рядом с тобой – все старшекурсники обделаются, только подумав нас обидеть! А то тут

такие истории рассказывают о том, как гоняют первачков, что... жутковато делается.

– Так что там с этим конюхом? – нетерпеливо переспросил Сегер – Отвалились?

– Да, правда, что потом? – Эдна прикусила нижнюю губу, и получилось у нее это очень даже сексуально. Да, похоже что я вступил в возраст, когда все, что ни сделает симпатичная девчонка, выглядит для меня в высшей степени сексуальным и соблазнительным. Даже если она рядом со мной испортит воздух.

– Отвалились – пожал я плечами – Стал евнухом.

– Теперь его возьмут в Императорский гарем! – ухмыльнулся Керл, и Сегер осуждающе помотал головой:

– Никогда и ни при каких обстоятельствах не касайся Императора и его семьи! Это чревато большими неприятностями, парень! Твой язык когда-нибудь создаст тебе огромные проблемы, запомни это.

– Да ладно тебе... – слегка натужно улыбнулся Керл – А что оскорбительного сказал? Всем известно, что в гаремах властителей служат евнухи. И на страже стоят, и прислуживают, и работу по дому делают. Вот одним больше и стало. Да демон с ним... давайте еще нальем? Хорошая компания, интересные разговоры, пиво и закуска – что может быть лучше?

И он разлил по кружкам слегка потеплевшее содержимое кувшина. Мы выпили. Дальше разговор пошел уже на более

безобидную тему. Например – когда начнутся занятия, как это будет выглядеть, чему будут учить, ну и так далее – нормальные вопросы, ответ на которые знает каждый студент заведения, проучившийся в нем хотя бы месяц. Я читал о порядках в Академии, но мало ли что написано в книге? Может что-то уже изменилось. И как оказалось – все так, как и было описано. Этот порядок, похоже на то, соблюдается уже сотни лет неизменно. Академия даже гордится своими традициями, мол, нет ничего неизменнее, чем Академия и ее порядки. Глупо, наверное... все течет, все изменяется. Даже язык стал другим, не таким, как к примеру пятьсот лет назад. Так зачем гордиться тем, что ты застыл в своем развитии? Нет у меня ответа. Да и не особо интересно его знать.

Глава 5

Сколько нас тут? Хмм... не так уж и много. Новеньких где-то... полусотня, ну и столько же на каждый курс. Вообще-то я думал, что курсантов в Академии гораздо больше. Огромная страна, и каждый год выпускается всего полсотни магов? Стоп! Есть же еще Академия для простолюдинов, там должно быть гораздо больше. Ну чисто по соотношению – простых людей больше чем аристократов, в разы. Интересно, а сколько выпускается там? Не знаю. Пытался найти информацию на этот счет, так и не нашел. Вроде как засекретили эти сведения. Государственная тайна!

Флаги хлопают на ветру, курсанты начищены, как сереб-

ряные ложки, сияют на солнце своими значками! Значки серебряные, только цифра меняется в зависимости от перехода на следующую ступень. Зачем это делается – не знаю. Кому вне Академии интересно, на каком ты курсе? Выпускники получают золотые значки. Насколько знаю, в Академии простолудинов значки медные.

Стоим, поедаем глазами Ректора, мужика худого, длинного, как копьё латника третьего ряда, и седого, как горные вершины. Ему уже много лет, но похоже что время никак не хочет его прибрать к рукам. Маги вообще очень живучие существа, я читал об этом еще до того, как сам стал волшебником. Регенерация у магов повышенная, лет они живут как минимум за две сотни. Конечно же, зависит от организма, а еще – от силы магии, которую может вмещать этот самый организм. Чем ни сильнее маг, тем дольше он живет, и тем труднее его убить. Если верить книгам, которые я читал, некоторые маги жили разорванные пополам и даже отращивали себе утраченные органы и конечности. Но мне кажется, это все больше легенды. Тресни мага по башке так, чтобы мозги в разные стороны – вот и нет у него регенерации. И его самого нет.

Кстати, об этом мне говорил и Наставник – мага надо убивать в голову, тогда он не сможет восстановиться. Отрезать башку, раздолбать ее на куски, и попробуй потом, поколдуй без головы!

Что-то меня потянуло на такие вот черные размышления.

Депрессия накатила. Жарко, не хочется вот так стоять, и слушать всякую хрень, которую несет Ректор. «...вы избранны...бла-бла-бла...вы обязаны блюсти...бла-бла-бла...великая честь служить Империи и Императору...бла-бла-бла...»

ТЬфу! Вот чего я всегда не любил, это тупого пафоса, не относящегося к делу. Зачем мне втирать про мою святую обязанность служить кому-то там? Просто скажите, что таков закон – учись, а потом отработывай, иначе тебя казнят. Ну и все! Нечего тут мозги загаживать пафосной ерундой. Главное сейчас не разозлиться, и не пожелать оратору гангрены языка. Начать свое ученичество с нападения на Ректора – это было бы круто, но не очень логично.

Мда...вот как судьба меня развернула. Десять с лишним лет я думал о том, как бы мне сбежать, да так сбежать, чтобы не смогли найти. Но ни малейшей возможности этого сделать мне не дали. Тем более что – а кому нужен мелкий мальчишка, не имеющий за душой ничего, кроме своего тощего организма? Ну вот что я бы делал, вырвись на свободу?

Знаю, что делал бы тогда. Воровал, грабил, убивал. А что я еще умею? Кто возьмет меня на работу, такого...хрен знает кого? Нет...прежде надо было вырасти, подучиться тому, чему меня учили, а уж потом...

Так я и сделал, хотя не раз, и не два пожалел о своем решении. Иногда было так тошно, что хотелось перерезать себе глотку. Особенно, когда меня заставили убивать заключенных.

Ну...наконец-то закончил свою речугу! Пусть он может и хороший человек, но нудный – до охренения. Перед тобой стоят две с половиной сотни молодых парней и девок, которым плевать на твой пафос с высокой башни! Так зачем ты тратишь время, стоишь на солнцепеке, сотрясаешь воздух? Не лучше ли распустить всех по кабинетам – прохладным, охлаждаемым артефактами, пахнущим свежей краской и садовыми цветами!

В кабинет мы попали только через час. После ректора выступили заведующие кафедрами, преподаватели, и все втирали нам в уши – какие мы обязанные должники всем на свете и Императору в частности. Аж затошнило. Эту лабуду мне талдычили больше десяти лет при каждом удобном случае. Видимо не догадываясь, что чем дольше они ЭТО говорят, тем большее отвращение я испытываю к подобным речам. И не только я, но и большинство, а скорее всего и все молодые люди на свете. За наличие исключений не ручаюсь – мало ли идиотов на свете?

– Итак, знакомимся! – сообщил нам мужчина лет сорока, одетый в темный мундир с серебряной вышивкой по воротнику и рукавам. На груди мужчины золотой значок преподавателя – с его именем и фамилией.

– Я ваш куратор, буду вести вашу группу до самого выпуска. Мое имя Альдор Диссамбль, я преподаватель основ магии. На первом курсе вы получите знания по всем аспектам магии, начиная с аспекта воды, и заканчивая аспектом

воздуха. Но самое главное – я отвечаю за ваш уровень подготовки, за вашу дисциплину, за то, чтобы вас перевели на следующий курс, и чтобы вы не погибли во время расширения ваших каналов и емкостей магии. Задавайте вопросы, если они у вас есть.

Взгляд серых глаз мужчины прошелся по рядам столов и остановился на Керле, который поднял руку со сжатыми в кулак пальцами, требуя слова.

– Вы, молодой человек, спрашиваете. Сразу предупреждаю – пока я вас не запомнил, вы поднимаетесь, называете имя и фамилию. И вот еще что: здесь нет бедных и богатых Кланов. Здесь все равны. Все вы студенты, или курсанты, или учащиеся – как хотите называйте. В магии тот выше по статусу, кто сильнее, чьи емкости для наполнения магией больше, чьи каналы для получения и отдачи магической силы – шире.

– Господин Диссамбль! Курсант Оссаг! Керл Оссаг! Господин преподаватель, скажите...а чему вы будете учить черного мага?

– Черного мага?! – брови Диссамбля поползли вверх – Среди вас есть черный маг?! Невероятно!

– Почему невероятно? – не отставал Керл – Ну маг, ну черный...чего такого?

– Черный маг – большая редкость, юноша! – преподаватель покровительственно усмехнулся – Никто не знает, почему тот, или иной аспект достается конкретному субъекту.

Иногда два аспекта. Очень, очень редко – три! Но чтобы все сразу...это фантастика!

– Как это – все сразу? – искренне удивился Керл, продолжая есть глазами преподавателя – При чем тут аспекты?

– Я попробую вам объяснить – задумался Диссамбль – Как-нибудь попроще, чтобы вы поняли...ну...представьте черный цвет. Он поглощает все цвета. Если положить черную краску на краску любого цвета – опять же будет только черный. То есть в нем содержатся все возможные цвета. Аналогия грубая, можно даже сказать на уровне...хмм...ребенка. Но вы и есть дети, и я пытаюсь вам рассказать, показать на пальцах. В общем – в черной магии есть все возможные аспекты. И в идеале черный маг может владеть любым аспектом, который существует в мире. Сразу скажу – это теория! За всю мою жизнь я не встречал ни одного черного мага! Они такая редкость, что можно прожить долгую-предолгую жизнь, и не встретить ни одного из них. Понимаете?

– А может черные маги скрывают свои умения? Ну...боятся? Такое ведь может быть? – не унимался Керл.

– Может – кивнул учитель – Вполне может быть. Но чтобы скрыть свою магию надо быть большим умельцем, а ведь магия проявляется в раннем возрасте, в вашем возрасте, курсанты. И как вы можете скрыть свою магию, которая распирает вас, которая требует выхода? Запомните – вас сюда присылают не только, и не столько для того, чтобы вы обрели умение мага. Общество ограждается от вас для того, чтобы

вы не нанесли ему катастрофического вреда. Потому и уни-чтожают «диких» магов, которые вошли в силу, но не про-шли подготовку в Академии.

Диссамбль задумался, потом встряхнул головой, будто отгоняя какие-то неприятные, лезущие в голову мысли, и вспомнив что-то, снова заговорил:

– Так, мы ушли в сторону! Юноша, а вы почему задали вопрос о черных магах? Повторюсь: здесь что, имеется чер-ный маг?

– Эээ... ммм... – Керл не смотрел на меня, демонстратив-но не смотрел, но я чувствовал, что он сейчас расколется. И потому взял дело в свои руки.

– Я черный маг, господин учитель – встаю из-за стола, смотрю в глаза Диссамблю, поднявшему брови высоко-вы-соко – Курсант Эдвин Ольгард, из Клана Ольгардов.

– Ольгард? Ольгард, Ольгард... где-то слышал я об этом Клане. Не могу вспомнить... что-то связанное с дедом, или даже прадедом нынешнего Императора. Вроде как ваш Клан некогда был у трона, а потом впал в немилость.

А мужик-то силен! Ишь, чего помнит! Это ведь было сот-ню лет назад, не меньше – мама мне рассказывала. И сколько же ему лет? Он говорит так, будто жил в те времена.

– Хмм... интересно! Надо будет покопаться в библиотеке. Ольгарды, Ольгарды... но да ладно! – спохватывается Дис-самбль – Не о том речь! Черная магия! И как же она у вас проявилась?

– Всего один раз – смурнею, леденею лицом я – Пожелал человеку плохого, он и заболел. А люди видели, донесли. Вот и... попался!

– Видите! – торжествуяще тычет в меня рукой преподаватель – Попался! Потому что не знал, как скрыть свои способности! Случайно попался! А сколько таких черных магов не попались? Сколько их бродит по миру? Никто не знает! Ха! Попался! Очень хорошо, что попался! Теперь мы изучим вас, курсант, вдоль и поперек. Будем смотреть за вами, наблюдать, как вы работаете с магией. Это обогатит наши знания о магии! Поздравляю! Вам предстоит двигать науку магии вперед!

Я клал на магию, и на науку о ней. Крал на все аспекты, и на черную магию конкретно. Я бы много заплатил, чтобы никто не знал о моих способностях, таких редких, и таких ценных для Академии, и в частности для господина Диссамбля. И на него тоже клал, на великого ученого. Последнее, чего я хотел – это становится подопытным существом, на котором мечтают оттоптаться ученые всей Империи. Я же не дурак, зачем это мне?

Другой вопрос – а куда я денусь? Вот я в Академии, и вдруг не желаю выполнять то, что от меня требуют. Например – не желаю, чтобы меня превратили в подопытного. И что, меня кто-то послушает? Да черта с два! Ну а раз изнасилование неизбежно, надо извлечь из этого какое-то благо. Пусть и не оргазм. Предоставлю свой организм для исследо-

ваний только после того, как обдумаю – что мне за это потребовать. Ну, например – свободный доступ в химическую лабораторию для занятий зельеварением. Опять же – можно попросить разрешения на работу с артефактами, для того, чтобы сбывать их и зарабатывать деньги. Кстати, почему бы не спросить об этом сейчас?

– Господин учитель! – вывожу я из задумчивости стоящего передо мной преподавателя – Можно вопрос?

– Задавай, Эдвин – благожелательно улыбается Диссамбль, и я вижу как губы его шевелятся. Он что-то такое тихо говорит. И это «что-то» мне не нравится, ведь я умею читать по губам. *«Черный маг, ну надо же! Эх, разрезать бы твой мозг, и посмотреть – какого размера лобная доля, и вообще – как ты устроен!»*

Да охренеть, что такое он несет?! Разрезать, гаденыш, задумал! Я тебе разрежу, я тебе яйца... стоп! СТОП!

Ох ты ж... отпустило. Чуть этого препода не сделал евнухом. Кстати, меня уже стало доставать это мое вечное сползание мысли в зону ниже пояса! Ну ладно девушки – не думать о них я не могу, но почему я проклинаяю только лишь одно, конкретно мужское место? Или это просто желание ударить в самое больное и ценное у мужчины? Ну... вроде как уничтожаю конкурентов. Подсознательно, не думая.

– Господин учитель, объясните – что такое проклятье? Что значит – напустить порчу?

Диссамбль удивленно поднял брови, пожал плечами:

– Неужели это не ясно?

– Нет, не ясно. Вот маг аспекта огня – он выпускает огнешар, и человек сгорает. Понятно. Маг аспекта воздуха – бьет воздушным кулаком. Человек всмятку. Ну и так далее. Что делает черный маг?

– Хмм... теоретически... судя по некоторым научным трудам... черный маг может и то, и другое, и третье. А вот что касается порчи... черный маг выпускает что-то вроде объединенной, свитой воедино энергии всех аспектов. Вот почему то, что он пускает, видится как некий черный сгусток – опять же, это сведения из трактатов по магии. Сам я такого не видел. Как этот сгусток воздействует на организм – есть несколько версий. Первая версия – происходит перегрузка организма, неспособного принять магию. Например – простого человека, которому магия недоступна. Или мага, владеющего одним, или двумя аспектами – другие аспекты он принять не может, и они пагубно воздействуют на организм... хмм... жертвы.

– А вторая версия? – вывел я из задумчивости преподавателя, вставшего столбом и глядящего в пространство над головами студентов.

– А? Вторая? – вышел он из задумчивости – Ах, вторая... вторая – это то, что мы ничего не знаем, что это пятый аспект, и беда в том, что мы не можем его изучить, у нас нет черного мага, чтобы... Ох! Теперь есть! Теперь изучим!

Он радостно улыбнулся, и неожиданно мне подмигнул.

При этом его лицо сделалось озорным и предвкушающим, как у мальчишки, который подобрал с земли булыжник и крадется к обидчику, чтобы засветить тому в затылок. И мне снова стало тошно, так тошно, что на самом деле слегка за-тошнило. Вивисекторы проклятые! Эдак они и правда до моего мозга доберутся!

– То есть вы не знаете – подытоживаю я.

– Вот и узнаем! Вместе с тобой! – радостно отвечает преподаватель – Покопаемся в тебе! Науку двинем вперед!

И опять у меня похолодело в животе. Я вам покопаюсь, черти вы тухлые! Я вас тут так прорежу – преподавать некому будет! И пусть попробуют доказать, что это я сделал. Чего-чего, а заметать следы преступления меня научили в совершенстве.

На этом первая моя «вивисекция» закончилась. Преподаватель перешел к знакомству с другими студентами, а я сидел и размышлял: с какой стати Керл вылез со своими откровениями? Что это вообще было?

В ближайший перерыв между уроками я задал ему этот вопрос. Керл покусал губу, почесал за ухом (Кто его воспитывал? Тоже мне... аристократ!), и смущенно ответил:

– Прости, Эд... уж очень хотелось чем-нибудь поразить этого напыщенного индюка! Мы ему дети, мы ему то, се... а сам никогда черного мага не видел! Пусть знает, что мы тоже кое-что можем!

Ответ так себе, но от Керла можно ожидать чего-нибудь

подобного. За то время, что я его знаю, пообщался с ним довольно-таки неплохо, и составил себе представление о нем. Парнишка умный, но...иногда такой дураак! Ради шалости, ради хохмы может сотворить такое, что все вокруг будут только за голову хвататься. И вот такому беспокойному шустряку достался жар проники. Это же просто издевательство над миром! Ощущение, что Создатель бросил ему Дар с тем расчетом, что Керл будет делать жизнь окружающих ярче и скандальнее. Кстати, он тут единственный проники, насколько я знаю. По крайней мере он так сказал. Так вот увидев Керла большинство девиц сворачивали в сторону, прячась за углом, или же проходя мимо краснели до самой макушки. И это понятно – знать, что ты идешь мимо нахально улыбающегося парня практически голый – совсем нет никакого удовольствия. Если ты, конечно, не испытываешь наслаждение, демонстрируя себя обнаженную всем желающим посмотреть. Притом, что Керл вроде случайно, но достаточно громко вздыхал, присвистывал, или втягивал воздух сквозь зубы, когда субъект пробегал мимо него, громко цокая по каменному полу форменными туфлями-лодочками. И я не удивлюсь, если скоро они будут пробегать мимо Керла повизгивая от страха и закрывая руками некоторые места своего организма. Что впрочем совершенно бесполезно делать. Он может видеть *насквозь*.

Меня заинтересовала эта редкая магическая способность, и я решил узнать у Керла – а ЗАЧЕМ? Ну, вот умеет он смот-

реть сквозь одежду, видеть людей голыми. Но на кой черт эта способность по жизни? Каково приложение такой вот... хмм...штуки? Керл посмеялся, потом сделался серьезным:

– Эд, уверен, ты ничего не читал о прониках. Ты что, думаешь – мы только женские груди разглядываем? И все остальное? Ну да...приятное занятие! А знаешь, какие попки я видел?! Ооо...и все, что к попкам прилагается! Есть такие красотки...ммм... Хе хе хе... Это внешнее, Эд. Ты видимо не знаешь, что лучшие на свете лекари – проники. Ну, представь – тебе нужно увидеть больной орган в теле человека, и ты... Понял, да? Вижу по лицу – понял. Еще – военное дело. Сильный проник может видеть сквозь стену. Может видеть в темноте – в полной темноте! Может прочитать документ, не открывая ящика, в котором тот спрятан. То есть – это хорошо для шпиона. Но главное, все-таки, это лечение. Так что я буду хорошим лекарем – если как следует разовью свой Дар. А я разовью! Когда у меня ЭТО началось, я мог видеть только туманные очертания тела, если сильно напрягусь. Потом у меня голова болела. Теперь голова не болит, а я могу рассмотреть даже прыщик на попе девчонки! Могу видеть кружева на ее трусиках! Вот! Пока что я не могу заглядывать под кожу, вглубь тела – плоть слишком хорошая преграда взгляду, нужен более сильный уровень дара. Но я подниму его!

Да, это было здорово, после здорового размышления решил я. И не потому, что можно разглядывать попки. Смысл

какой в разглядывании попок, если ты не можешь тут же приступить к делу. Только досада и бесполезное возбуждение, которое снять потом будет не так уж и просто. Подружки-то нет! А без подружки... не заниматься же самоудовлетворением? Нет, я бы хотел иметь Дар проника, для шпиона и тихого убийцы он очень полезен, вот только... лучше бы у меня проявился Дар разрушать дома и создавать землетрясения. Чтобы не одна сука и близко не могла ко мне подойти! Чтобы боялись! Чтобы соскочить с крючка!

Ладно, еще не вечер... мне всего пятнадцать лет, так что... у меня все впереди. Я вас всех переживу, твари! Если только выживу...

В мою комнату подселили парнишку, и слава богу – вполне приличного. Тихий парень из провинции, назвался Гором Хадаром. Небольшой, худенький, бледный, будто недокормленный, он говорил негромко, был очень вежлив и воспитан. Всегда наглаженный, чистый, аккуратный – даже до неприличия. Негоже мальчишке пятнадцати лет быть таким аккуратным и воспитанным. Вот Керл, хотя и перебирает с шалостями – вполне нормальный пятнадцатилетний мальчуган. А этот – как взрослый мужчина, рассудительный и мудрый.

Я первое время настороженно к нему присматривался – а вдруг в нем и правда сидит взрослый человек? Ну... мало ли как оно бывает. Поговорил с ним, задал кое-какие вопросы, и понял – нет, обычный парень. Только вот воспитанный. Говорит – отец у него строгий, привил любовь к порядку.

И мать такая же. Все у них разложено по полочкам, все на своих местах, нигде ни соринки. Вот и он такой получился.

Вообще, мне он понравился. Я так-то никогда не отличался особой аккуратностью – если только это не создание снадобий, где любая неаккуратность может стоить тебе жизни. Носок брошу на пол, другой на стул, штаны шваркну в угол и так далее. Наставник ругался, мол – ты такой аккуратный, когда работаешь в лаборатории, а тут – свинья свиньей! То же самое я делал и у себя в комнате, пока не появился «сожитель». Я было и при нем стал так себя вести, но когда несколько раз подряд обнаружил свои штаны аккуратно висящими на спинке стула, а ботинки ровно выстроенными у кровати – волей-неволей стал стараться соответствовать моему соседу. А то ведь как-то неудобно, получалось – он за мной прибирает. И что характерно – Гор мне и слова не сказал. Просто показал, как оно должно быть.

Парнишка был воздушником, и уже довольно-таки сильным. Он как-то продемонстрировал мне работу с небольшим облаком. На моих глазах оно меняло направление движения, а потом вдруг пролилось редким, но вполне ощутимым дождем. Я даже позавидовал – уж очень впечатляюще это все выглядело. Хотел бы я иметь мирную профессию воздушника. Делать хорошую погоду, разгонять тучи, заливающие посеы непрекращающимся ливнем, или наоборот – пригонять облака, чтобы поля не выгорели под палящим солнцем. Что может быть лучше? Убийство мне претит, я не хочу лишать

жизни людей! Да и не только людей – любых живых существ. Да, я не плачу над куском жареного мяса, но пусть быка убьет кто-нибудь другой. Да, вот такой я противоречивый... с руками по локоть в крови.

Увы, мои способности мага никак себя не проявляют. Диссамбль говорил о том, что якобы я могу обладать ВСЕМИ способностями, какие есть у моих соратников-магов, но пока что максимум, что могу – это зажечь свечу и наслать порчу на противника. Да и порчу могу наслать только тогда, когда приду в совершеннейшую ярость. То есть на пике возбуждения своих эмоций. Потому мой Дар практически бесполезен.

В общем – учиться, учиться, и учиться...надеюсь – что-нибудь все равно у меня получится.

Глава 6

Вергу бесило все. Тупые парни, которые на нее пялились, тупые девки, которые выглядели одетыми в людскую одежду телками, Академия, в которой она совершенно не хотела находиться. Она рыдала, когда ее отправляли в Академию! Зачем ей эта дурацкая учеба, если она и так самая красивая в их провинции, и одна из самых красивых девушек столицы!

Верга любила разглядывать себя в зеркале, и не только одетой... Точеные линии бедер...высокая грудь с розовыми сосками... плоский живот с тонкой-претонкой талией... и лицо, прекрасное, как с картинки! Она великолепна. Она вы-

ше всяких похвал! И вот эту красоту загоняют в проклятую Академию на целых пять лет! Ооо...ууу...ааа!

А этот нищоброд? Этот наглец, тупой ублюдок, который на нее пялился так, будто хотел сожрать! Верга заметила, как он глядел на нее в столовой, и само собой, возмутилась: как он смеет ТАК на нее смотреть?! Как на шлюху какую-то! Разглядывает, видишь ли, мечта-ает!

Верга знала об отношениях мужчин и женщин все, что нужно знать девушке, вошедшей в брачный возраст. Ее просветили во всех подробностях – как и положено в воспитании дворянской девушки, которая должна вести домашнее хозяйство и как следует ублажать мужа, своего господина и повелителя. И да, втайне она мечтала о том, как станет хозяйкой какого-нибудь крупного поместья и станет там править, своей волей карая и награждая многочисленную челядь и рабов.

Да, ей придется рожать – но такова ее работа, ее жизнь. Она еще не была с мужчиной – детские поцелуйчики со сверстниками не в счет. По-настоящему не была с мужчиной. Замуж нужно выходить девственницей – мать вдалбливала ей эту истину с тех самых пор, как Верга стала что-то понимать, и каждый раз, когда им приходилось встречаться с мужчинами где-нибудь в гостях, на балу.

И вот какой-то никчемный мальчишка смеет смотреть на нее так, будто она ему принадлежит, и стоит свистнуть – тут же выпрыгнет из платья и трусиков! Нет, тут надо сразу ста-

вить себя на правильное место. На высшее место! Потому что большинство здешних студентов и ногтя ее не стоят!

Хорошо хоть родители оплатили ей одноместную комнату. Она бы не перенесла соседства с какой-нибудь идиоткой.

Верга сама не знала, почему пошла отмечать знакомство в компании бывших ее приятелей. Скучно было, наверное поэтому и пошла. А что делать в Академии, когда занятия еще не начались, студентов почти нет, а в город выход ей закрыт? Ибо приличные девушки по улицам города без сопровождения мужчин не ходят. Или без компании таких же как она девушек.

Как и предполагалось, Верга не выдержала соседства с этим мерзавцем и сбежала, напоследок рассказав все, что она думает об этом помоечном мальчишке. Да и не хотелось ей сидеть и слушать плоские шуточки Керла, и рассказы о том, как он купался гольшом с этой малолетней шлюхой. И неважно, что тогда они были совсем мелкими детишками. Неприлично! Мерзко! И возбуждает...

Она не была дурой. Потому бросившись на широкую, будто сделанную для молодоженов кровать у себя в комнате, стала размышлять, анализируя свое поведение. Почему этот парень ее так бесит? Почему ей хочется вцепиться в его рожу ногтями, и драть, драть ее, чтобы потекла кровь, чтобы он умылся слезами! И почему он так ее возбуждает...

Идеал. Его внешность – это идеал того парня, о котором они мечтала. Она видела в снах это лицо, эти припухлые гу-

бы, эти серые глаза, эту улыбку, похожую на улыбку кота! И вот она его встретила. Своего Императора Грез. И что? Он оказался нищим, убогим, неспособным даже пошить себе форму из приличного материала! Нищим, тупым ублюдком, который не умеет общаться с девушкой из приличной семьи! Хамом, который ногтя ее не стоит!

Теперь она и ненавидела его, и любила. И больше всего ей хотелось, чтобы он исчез из ее жизни и оставил в покое. А ко всему прочему он еще оказался черным магом! Да, да – тем самым черным магом, о которых ходят легенды, о встрече с которыми мечтают не то что курсанты – преподаватели! При ней Диссамбль сказал, что займется Ольгардом персонально. Что весь преподавательский состав будет счастлив с ним пообщаться! И вот как это так?! Какой-то нищий мальчишка из захиревшего рода – и такие привилегии, за что?

Занятая своими мыслями, взбесившаяся окончательно после того, как сама себя распалила (скоро ЭТИ дни, и перед ними Верга была невероятно раздражительна), девушка неслась по коридору со скоростью беговой лошади, и как следовало ожидать – оставить ее смогло только препятствие.

– Ой! – девушка отбросило назад, и она бы упала, если бы ее не подхватила сильная рука.

– Ох! Крепкая у тебя голова, прекрасная девушка! Чуть дыхания меня не лишила! – на Вергу сверху смотрело красивое, гладкое лицо парня лет двадцати, а перед глазами блестел значок курсанта пятого курса Академии.

– Прости – Верга тихонько выдохнула, не сводя взгляда с мужественного, прекрасного лица парня, с его чувственных, сочных губ, с его белоснежных зубов, между которыми мелькнул острый розовый кончик языка, как-то особенно сладострастно облизнувший полные губы. Верга вдруг почувствовала тяжесть внизу живота и поняла, что вот-вот с ней случится...бежать надо! «Праздники» пришли! В комнату, бежать! Скорее!

Но не могла сойти с места, будто приклеенная к полу.

– Ты первокурсница, да? – улыбнулся парень – Мое имя Шогас Ляверн, из Клана Лявернов – слышала о таком?

Верга медленно кивнула. Кто же не слышал о Лявернах? Старший из них был министром торговли Империи, и поговаривали, что он обладает огромной властью, и огромным капиталом. Богаче его только сам Император.

– Хочешь в нашу компанию? – снова широко улыбнулся Шогас – Посидим, поболтаем...выпьем!

Он указал на трех парней, которые стояли чуть поодаль и тоже улыбались, и ожидающе посмотрел в лицо Верги. И снова она почувствовала волнение, и...возбуждение. Ей ужасно хотелось пойти с этим парнем! Тем более что...это была бы хорошая партия. Все равно как выйти замуж за принца.

– Мне надо забежать в свою комнату! – пролепетала Верга, чувствуя страх от того, что парень может просто развернуться и уйти. Она никогда еще не видела такого красивого

мужчину!

– Хорошо! – глаза Шогаса будто мерцали, и Верга не могла оторвать от них взгляда – Приходи...вечером, к восьми часам. Пообщаемся. Тебе же интересно – как тут все устроено. Я имею в виду в Академии. Новичкам ведь все интересно, правда?

– Правда... – кивнула Верга, и глаза ее затуманились.

– Иди! – прервал ее мечты Шогас – Комната один. Восемь часов. Только обязательно, не заставляй себя ждать!

Верга бежала в свою комнату так, будто за ней гнались демоны. Скорее, скорее!

Успела, прежде чем организм успел ее предать.

Часы до вечернего свидания она провела как в тумане – на лекциях сидела будто в полусне, практически не слыша того, что говорил преподаватель. И потом – в столовой, и после нее – ходила сама не своя. Будто после болезни. Ну а потом она надела свое любимое платье и пошла в комнату номер один.

Если бы Шогас был в комнате не один – она бы скорее всего ушла. Но никого, кроме хозяина комнаты не было. Стол ломился от всяческих явств (то-то она не видела Шогаса в столовой), и стояла высокая, красивая бутылка синего стекла, которая стоит так дорого, как если бы она была сделана из настоящего хрусталя. Впрочем, возможно что так оно и было – из хрусталя. При таком богатстве – почему бы и нет?

– Давай выпьем за знакомство! – Шогас разлил по бо-

калам золотистое вино, поболтал им, взяв бокал за тонкую ножку, и с наслаждением принюхался – Драгоценное, столетнее! Из подвалов папенькиного дома! Представляешь, такого вина больше ни у кого нет. Виноградник, из плодов которого делается это вино, разбит на склоне горы Маджори, а гора эта когда-то была вулканом. Виноград очень сладкий, такой сладкий, что челюсти слипаются от сладости. Вот из него и делают вино – всего несколько бочек, и только для нужд нашего Клана. Мы не продаем это вино! Выпей, и почувствуй сладость поцелуя, и терпкость любви! Нашей любви!

Верга как замороженная взяла бокал в руки, поднесла его к губам и медленно втянула содержимое бокала в себя. Вино и на самом деле было густым, терпким, но совсем не сладким. И даже слегка горчило. Впрочем, она не особо разбиралась в вине, максимум, что ей позволяли – разведенное столовое вино, да и то – если были где-то в гостях и опасались пить простую воду. Давно замечено – если в воду добавить вино, то шанс заболеть желудочными заболеваниями гораздо меньше. Мама Верги хорошо разбиралась в снадобьях.

Шогас рассказывал ей об Академии, шутил, смеялся, Верга вторила ему своим смехом, звучащим, как колокольчик. Потом он что-то спросил, вроде как в какой комнате она живет. Верга ответила. Потом он спросил, была ли она с мужчиной. И на этот вопрос Верга ответила, даже не удивившись – с какой стати он задает такие интимные вопросы. У нее

даже мысли не возникло, чтобы осадить наглеца. Ей было хорошо и уютно в этом кресле, парень, что сидел напротив нее ей нравился, и наверное она была в него влюблена. Да, влюблена – и чем дальше, тем больше. Так что Верга просто не могла не ответить на его вопросы – на любые. Например – целовалась ли она с мальчиками. Трогает ли себя там, где трогать ради развлечения нельзя (мама не велит!). Ну и... всякое такое.

Верга будто засыпала. Через некоторое время голос собеседника слышался как сквозь вату, а еще позже – глаза девушки закрылись и она заснула...или впала в беспамятство.

Шогас встал с кресла, подошел к девушке, взял за руку и поднял ее на уровень лица. Отпустил. Рука повисла в воздухе. Он снова ухмыльнулся, и уже ничего не боясь, ухватил девушку за талию (она весила не очень много, хотя и не отличалась худобой), и поставил ее на колени в кресло, задом к себе. Руки девушки поместил на подлокотник, голову вперед. Полюбовался делом своих рук, хихикнул, и подойдя к двери открыл ее, и негромко сказал:

– Давайте, быстрее!

Трое парней, тех, что были с ним в столовой вошли в комнату, и с ухмылками стали разглядывать стоящую на коленях девушку. Секунд десять молчали, любясь открывшейся картиной, потом кузен Шогаса, Мадран Горк, довольно сказал:

– Красота! Умеешь ты убеждать! Дар, есть Дар! Даже мне

не по себе, когда ты на меня ТАК глядишь! Силен, брат!

– Как бы проблем не было... – вмешался самый осторожный из парней, высокий худой парень, которого звали Хендрик Ройс – Посмотри, девчонка ухоженная, домашняя. Скандал может быть! Потом проблем не оберемся. После того раза еще не отошли. Мой папаша так орал, так орал... спасибо мамочке, отбила. Мол, дело молодое, девки ему на шею вешаются – так чего теряться? Вот женится, тогда, да. А пока пускай развлекается мальчик! Для здоровья полезно!

– Крутая у тебя мамахен – улыбнулся Шогс – Даже завидую. Моя как раз наоборот – разоралась. А папаша ее и остановил. Мол, девчонка жива? Жива! Ничего ей не повредили. А то, что сама пришла и отдалась парням, а потом передумала и решила денег с них собрать – так это ее проблемы. Но хватит время терять, у нас его не так много. Действие снадобья ослабнет через три часа. К утру и следа не останется от колдовства.

– Умеешь ты колдовать! Девка так смотрела на тебя так, что я едва не расхохотался! У нее совершенно мозги съехали! Так сучкам и надо... только и умеют, что ноги раздвигать! Тупые суки... – кивнул третий парень, низкий, кряжистый, с толстыми надбровными дугами, делающими его похожим на обезьяну. Он отличался огромной силой, и был очень, очень быстр. Шогас ценил его за то, что тот всегда признавал его, Шогаса первенство, а еще – исполнял кое-какие щекотливые поручения. Кого-нибудь тихонько избить, подкарау-

лив в городе, и что-то вроде телохранителя. Мало ли что может быть... подкараулит отец или брат изнасилованной первокурсницы, и превратит рожу в старый сапог. Тогда ни одна девка на него точно не клюнет. Имя парня Сассель Хорг.

– Люблю первокурсниц! – выдохнул Мадран – От них еще молочком матери пахнет! Ах, какие сладкие... какие нежные попки! Какие упругие груди!

– Хватит причитать – хохотнул Шогас – Раз так тебя понесло, разрешаю освободить эту девушку от оков одежды! Но только запомни – право первым войти в эту красотку у меня. Не оспариваешь мое право? Или оспариваешь?

Голос его был холодным, как лед, и в нем явно прослушались нотки угрозы. Первый наследник Лявернов обладал огромной властью – ему достаточно лишь сказал своему отцу, и по мановению пальца того недруги сына понесут заслуженную кару. И Шогас был невероятно мстителен. Как и его отец.

– Никто не оспаривает твое право! – голос Мадрана дрогнул – Тем более что ты все и придумал. Ты – первый!

Мадран шагнул к девушке, застывшей в той позе, в которую поставили, и погладил ее зад. Девушка не шевельнулась – снадобье, которое использовал Шогас, позволяло лепить из тела жертвы все, что хотелось насильнику. Хоть узлом завязать. Главное – когда это делаешь, воздействовать на объект малой толикой магии, и когда сделал нужную позу – прекратить поток энергии. Тогда даже силой несколь-

ких мужчин нельзя будет изменить положение тела – только если не сломать суставы и порвать мышцы и связки. В среде «золотой молодежи» это снадобье называлось «стоячка», и было запрещено к использованию не только в Академии, но и вообще во всей Империи – слишком часто с ним были связаны скандалы на сексуальной почве. У него был еще один побочный эффект, ради которого, собственно, несмотря на все запреты, за снадобье платили довольно-таки большие деньги: жертва изнасилования совершенно не помнила происшедшего. Вообще. О том, что с ней сделали можно было догадаться только по физическим последствиям – боль, и...беременность. Но последнего насильники старались избежать, насчет первого...тут уже труднодоказуемо. Мало ли что у кого болит! Может она сама себе порвала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.